1М
Б-87

Б87

М. В. Бречкевичъ.

Фундаментальная Библиотека ПОГАШЕНО Г. Р.

Великая европейская война,

ея историческія основы и смыслъ.

Изъ [illegible]

Публичная лекція, прочитанная 2-го ноября 1914 г.

2-е изданіе, печатанное безъ перемѣнъ съ перваго, признаннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Пр., заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. (13 февраля 1915 г., за № 6203).

Эвакуаціон. Управл. Главн. Управленія Генеральнаго Штаба книга **допущена** для чтенія раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ и включена въ „Первое дополненіе“ къ списку книгъ, кои могутъ быть **допущены** для чтенія больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ разнаго рода лѣчебныхъ заведеніяхъ. (25 февраля 1915 г., № 3095).

д. 40 коп.

Изданіе А. С. Панафидиной.

Москва, Лялинъ пер., соб. домъ. **Петроградъ**, Итальянская, 29.

1915 г.

ВЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВѢ

А. С. Панафидиной,

МОСКВА, Пялинъ пер., собств. д. Телефонъ 32-87. ⁞ ПЕТРОГРАДЪ, Итальянская, 29. Телефонъ 44-76.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЗА РОДИНУ!

(КАРТИНЫ ВОЙНЫ.)

Эпизоды изъ боевой жизни, собранные по разсказамъ и описаніямъ участниковъ сраженій.

СОБРАЛЪ И СОСТАВИЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

НИК. КАРИНЦЕВЪ.

Съ рисунками.

Цѣна **75** коп., въ папкѣ—1 руб.

Содержаніе: Подъ огнемъ.—Наши герои.—Подъ „Краснымъ Крестомъ".—Въ завоеванномъ краю.

20% съ номинальной цѣны настоящаго изданія поступаютъ въ распоряженіе Московскаго Городского Общественнаго Управленія въ пользу дѣтей раненыхъ и убитыхъ воиновъ.

ЯНЪ ГУСЪ.

В. Е. Романовскій.

(Великій подвижникъ чешскаго народа).

Къ 500-лѣтію сожженія его на кострѣ. (1415—1915 гг.).

Съ рисунками.

Цѣна **40** коп., въ папкѣ—60 коп.

Содержаніе книги: I Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа до Яна Гуса. II Янъ Гусъ. III Дальнѣйшая исторія чешскаго народа и современное положеніе Чехіи. IV Приложенія: 1) Отзывы Лютера о Гусѣ. 2) Стихотвореніе А. Майкова „Приговоръ".

9(4)
Б-87
Фундаментальная библиотека
ПОГАШЕНО
327 Б 87
327
Б 871
Из'ято
ПОГАШЕНО
Цѣна 10 коп.
Проверено 1937 г.

М. В. Бречкевичъ.

Великая европейская война,

ЕЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ И СМЫСЛЪ.

Публичная лекція, прочитанная
2-го ноября 1914 г.

2-е изданіе, печатанное безъ перемѣнъ съ перваго, признаннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Пр., заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. (13 февраля 1915 г., за № 6203).

Эвакуаціон. Управл. Главн. Управленія Генеральнаго Штаба книга **допущена** для чтенія раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ и включена въ „Первое дополненіе къ списку книгъ, кои могутъ быть **допущены** для чтенія больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ разнаго рода лѣчебныхъ заведеніяхъ. (25 февраля 1915 г., № 3095).

Изданіе А. С. Панафидиной.
Москва, Лялинъ пер., соб. домъ. **Петроградъ**, Итальянская, 29.
1915 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
541891

МОСКВА.
Типо-Литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго Дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ. Телеф. 18-35 и 53-95.

Оглавленіе.

А) Необычайная важность современной войны и разныя мнѣнія о войнѣ.

I. *Большинство высказанныхъ доселѣ мнѣній объ историческихъ основахъ войны не объясняетъ всей сущности происходящихъ событій.* . . . . . 1—5

Б) Три сферы, въ которыхъ возможно искать факторовъ войны.

1) Первая сфера: Германія.

II. *Въ вопросѣ о войнѣ нѣмецкій народъ не расходился и не расходится въ мнѣніи съ правительствомъ Вильгельма II.* . . . . . 5—12

III. *Нѣмецкому народу, говоря вообще, свойственъ шовинизмъ въ наиболѣе грубой формѣ.* . . . . . 12—16

IV. *Своею неразборчивостію въ средствахъ для пріобрѣтенія новыхъ владѣній прусско-германское государство давно уже превосходило всѣ другія европейскія государства* . . . . . 16—21

V. *Слѣдствіями нѣкоторыхъ качествъ нѣмецкаго народа (указанныхъ выше) является конецъ всякой логики, истины и справедливости по отношенію къ иностранцамъ въ вопросахъ, затрагивающихъ національность даже самымъ отдаленнымъ образомъ.* . . 22—26

VI. *Эксцессы нѣмцевъ, покоясь на выше объясненной основѣ, объясняются въ частности современнымъ широкимъ участіемъ народныхъ массъ въ политическихъ дѣлахъ и перенесеніемъ на иностранцевъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ особенностей* . . . . . 26—29

VII. *Исконныя (выше отмѣченныя) свойства нѣмцевъ въ прежнее время или не имѣли достаточно поводовъ для своего обнаруженія или оставались почти незамѣченными, не возбуждая какой-либо тревоги среди другихъ народовъ.* . . . . . 29—30

2) Вторая сфера: Россія и ея союзницы.

VIII. *Безполезно искать какого бы то ни было повода для войны въ Россіи, даже въ ея мнимой некультурности.* . . . . . 30—32

3) Третья сфера: идея всемірной монархіи.

IX. *Нѣмцами и въ особенности ихъ политическими руководителями за послѣднее время обуяло неукротимое стремленіе къ полному господству въ Европѣ и затѣмъ—во всемъ мірѣ.* . . . . . 32—36

B) Противоположеніе германизму со стороны общечеловѣческой культуры и со стороны европейскихъ государствъ, въ частности—со стороны Россіи.

X. *Европейскіе народы, сопротивляясь германизму, исходятъ не только изъ національныхъ, но и изъ общекультурныхъ побужденій.* . . . . . 36—41

XI. *Своими пріемами въ дѣлѣ достиженія все-европейскаго, а потомъ и всемірнаго господства нѣмцы наносятъ не-матеріальной культурѣ человѣчества величайшій и непоправимый вредъ, который доселѣ еще даже не учитывается* . . . . . 44—41

XII. *Въ Россіи за послѣднее время, на почвѣ единенія и устраненія нѣкоторыхъ недостатковъ, обнаруживаются всѣ признаки предстоящаго усиленнаго культурнаго развитія* . . . . . 44—48

Милліонныя арміи подъ ружьемъ и постоянный страхъ новыхъ истребительныхъ войнъ доказываютъ, что одного культурнаго сближенія и объединенія еще не достаточно. Можно, поэтому, думать, что идея всемірной политической власти, хотя бы въ совершенно новыхъ формахъ, еще имѣетъ будущность.

Владиміръ Соловьевъ.

1892.

I.

Уже три съ половиною мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ началась война. И если въ первое время она могла казаться неожиданною и какъ бы непонятною, то теперь, когда каждый уголокъ, каждое учрежденіе, почти каждая семья непосредственно заинтересована и волнуется и принимаетъ такое или иное участіе въ дѣлѣ войны, — теперь у каждаго составились свои впечатлѣнія, свои взгляды на войну. И я не безъ смущенія всхожу на эту каѳедру, зная, что у лектора не много можетъ остаться новаго или такого, что не перечувствовано, не пережито или не передумано другими. Да и самый матеріалъ для настоящей нашей бесѣды находится не въ архивныхъ рукописяхъ, которыя не всѣми прочитываются, а въ тѣхъ же періодическихъ изданіяхъ, которыя доступны всѣмъ. Источникомъ для разсужденій должна быть сама современная жизнь, пониманіе которой обыкновенно съ такимъ трудомъ дается кабинетному изслѣдователю.

Но эта же близость войны, эта заинтересованность въ ней всѣхъ и каждаго, это животрепещущее дѣло, дѣло жизни и смерти тысячъ и милліоновъ нашихъ близкихъ, дѣло достоинства и спасенія нашей родины, — это же самое внушаетъ мнѣ и другія мысли. Значитъ, хотя бы не было въ моихъ словахъ много новаго или неслыханнаго, все-таки я буду говорить не о чемъ-то постороннемъ и чуждомъ, а о томъ, что всѣмъ намъ дорого, о томъ, что наполняетъ

наши души то тревогою и страданіемъ, то сочувствіемъ и вѣрою въ успѣхъ общаго дѣла.

Да и сколько бы мы ни читали газетъ, журналовъ и документовъ, — такой великій моментъ мы переживаемъ, что все еще этого мало, все еще есть что-то недосказанное и непонятное. Подробности войны намъ болѣе извѣстны, чѣмъ, напр., 7-лѣтняя, 30-лѣтняя или столѣтняя война; настоящую войну мы видимъ, ощущаемъ, переживаемъ. Но она такъ близка, такъ огромна, что, даже соприкасаясь съ ней, намъ трудно видѣть и ея наружныя очертанія и ея сущность, — подобно тому какъ изъ-за ближайшихъ деревьевъ трудно видѣть весь лѣсъ.

Такъ, намъ извѣстно, что настоящая война — война особенная, чрезвычайная, небывалая — и не только потому, что орудія и способы истребленія изощрены до крайности, и враговъ надо опасаться и ждать изъ-подъ воды или сверху, изъ-за облаковъ, но и по ея всеобъемлющему характеру и сущности. Война возникла не изъ династическихъ интересовъ, и не изъ-за спорной области. Участіе въ ней принимаютъ почти всѣ способные къ военной службѣ мужчины. Оттого и численность сражающихся войскъ невиданная и неслыханная — до двадцати милліоновъ.

Намъ видно далѣе, что никакая изъ прежде бывшихъ войнъ, самыхъ большихъ, самыхъ побѣдоносныхъ не можетъ сравниться съ настоящей, — даже войны Наполеона. Наполеоновскія великія европейскія и внѣевропейскія завоеванія были направляемы планами и геніемъ одного человѣка, и усилія государствъ — противниковъ Наполеона направлены были на то, чтобы сокрушить планы и геній именно этого одного человѣка. Устраненіе одного человѣка значило устроеніе порядка на прежнихъ основаніяхъ. Нынѣ воюютъ народы, правительства лишь осуществляютъ намѣренія народовъ.

Все это были простыя, почти очевидныя качества войны, и они были поняты въ обществѣ сравнительно скоро.

Но дальше — многое было непонятно. И прежде всего труденъ былъ вопросъ — почему же возникла война? И возникла она такъ скоро, въ теченіе почти нѣсколькихъ дней, да еще съ такимъ культурнымъ сосѣдомъ, который уже давно и во многихъ отношеніяхъ сдѣлался образцомъ.

Могло казаться даже, что тутъ есть какая-то случайность или недоразумѣніе.

А вслѣдъ затѣмъ начались явленія еще менѣе понятныя: возмутительныя дѣйствія съ русскими путешественниками и ихъ семьями. И тутъ могло сначала казаться, что разсказы объ этихъ обидахъ преувеличены и что сами путешественники, можетъ-быть, какъ-нибудь неловко обошлись. Но разсказы эти росли, подкрѣпляя одинъ другой, разсказы отъ лицъ и о лицахъ, далекихъ отъ всякаго преувеличенія. Притѣсненіямъ и обидамъ подвергались уже не одни русскіе. Къ этимъ разсказамъ прибавились новые разсказы о звѣрствахъ и безсмысленныхъ жестокостяхъ, учиняемыхъ нѣмецкими войсками. И скоро стало ясно, что если сомнѣваться въ реальности германскихъ насилій, обидъ и звѣрствъ, то съ неменьшимъ правомъ можно сомнѣваться, напр., и въ томъ, что въ 1877—78 годахъ происходила русско-турецкая война.

Тогда-то и начались объясненія происходившему. Вниманіе къ нѣмцамъ у насъ дотолѣ такъ укоренилось, что очень многіе публицисты и даже политики готовы были считать войну и вызывающее положеніе нѣмцевъ возникшими случайно. Говорилось на тысячу ладовъ о томъ, что «народъ германскій не желаетъ войны».

Такъ говорили и говорятъ, впрочемъ, не только въ Россіи, но и въ Англіи, во Франціи, даже — въ Бельгіи. Въ русскихъ журналахъ писалось о томъ, что война непопулярна въ Германіи, пишлись изъ Берлина очевидцы того, что манифестаціи въ пользу войны съ Россіей дѣлали подростки и мальчишки, а взрослые манифестанты высказывались противъ войны и т. д.

Глава германскаго правительства изображался человѣкомъ честолюбивымъ, который изъ-за своихъ личныхъ плановъ увлекъ въ опасную авантюру весь добродушный, мирный и трудолюбивый нѣмецкій народъ. Въ газетахъ французскихъ, а потомъ и другихъ передавали извѣстіе о томъ, что особенно старался возбудить войну кронпринцъ; когда германскій императоръ сначала колебался, кронпринцъ пригрозилъ самоубійствомъ и только этимъ побудилъ своего отца рѣшиться.

Дикое обращеніе нѣмцевъ съ путешественниками и ихъ

семьями объяснялось паникою, которая якобы охватила нѣмецкій народъ, почуявшій неминуемыя для себя бѣды.

Иные публицисты нѣсколько расширяли область воинолюбія въ Германіи. Они полагали, что тамъ лишь «юнкерская» партія стремится къ войнѣ. Воинствующіе дворяне увлекли мирный, трудящійся народъ въ войну. Иногда указывались и обстоятельства, которыя возбудили воинственность юнкерства, а именно — побѣда надъ французами 44 года тому назадъ. Въ Германіи утвердилось среди правительственныхъ и руководящихъ круговъ убѣжденіе въ необходимости милитаризма, который по существу чуждъ мирному духу нѣмецкаго народа.

Такъ, бельгійскій соціалистъ Вандервельде, ставшій со времени войны министромъ, заявлялъ: «я люблю искренно Германію, но я воюю противъ милитаризма». Выдающійся дѣятель современной Англіи Ллойдъ-Джорджъ говорилъ: «Мы не ведемъ войны съ германскимъ народомъ. Германскій народъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной народъ Европы живетъ подъ гнетомъ прусской военной касты. Гибель этой касты будетъ днемъ радости для германскаго крестьянина, ремесленника и купца». Наиболѣе рельефно выражается одинъ изъ русскихъ публицистовъ: «Удручающъ самый фактъ вовлеченія народа въ постыдную авантюру антикультурнаго погрома. Конечно, не народъ рѣшалъ вопросъ о войнѣ; но онъ ее принялъ и ведетъ»... «Усвоивъ въ совершенствѣ старо-прусскія традиціи, школа въ свою очередь стала оказывать вліяніе на народъ: школа и школьный духъ перешли во всю жизнь. Вчерашнія терпѣливыя и покорныя ягнята превращаются на другой день въ барановъ и какъ бараны, безъ сопротивленія, но съ сознаніемъ исполненнаго долга, могли двинуться всюду, куда прикажутъ, хоть на убой».

И только постепенно всѣ эти объясненія начали исправляться самою жизнью; факты своею молчаливою, но вѣскою силою стали открывать предъ обществомъ тѣ условія возникновенія войны, которыя въ началѣ казались скрытыми.

II.

Объясняя факторы войны, я не стану говорить о дипломатическихъ, политическихъ, экономическихъ и иныхъ

условіяхъ, хотя я не думаю отрицать ихъ значеніе для происхожденія войны. Всѣ такія условія возможно будетъ изучить лишь тогда, когда они будутъ доступны во всей ихъ полнотѣ.

Я хотѣлъ лишь указать на три преимущественно идейныя сферы, гдѣ естественнѣе всего искать историческихъ основъ войны: на Германію, на Россію съ ея союзниками и на всемірно-историческія идеи.

Вопреки всѣмъ упомянутымъ и подобнымъ объясненіямъ причинъ германскаго нападенія и связанныхъ съ нимъ германскихъ насилій и звѣрствъ надо признать, что всѣ эти акты не являются случайными; главнѣйшій факторъ войны заключается въ характерѣ и наклонностяхъ нѣмецкаго народа. Война и способъ ея веденія не есть дѣло отдѣльныхъ лицъ, или правительства германскаго, или одного класса — воинствующаго юнкерства или однихъ лишь пруссаковъ. Въ объясненіи событій нечего выдѣлять отдѣльныхъ виновниковъ или ихъ группы и воображать, что масса германскаго народа настроена миролюбиво. Война съ Россіей есть дѣло нѣмецкаго народа.

Вильгельмъ II и его правительство лишь объединили и дали выраженіе тому, къ чему давно уже стремился нѣмецкій народъ. При другомъ правительствѣ нападеніе на Россію могло бы произойти раньше или позже, но оно несомнѣнно было бы произведено.

Что Вильгельмъ II, объявляя войну Россіи, дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ своимъ народомъ, это видно: 1) изъ фактовъ единенія нѣмецкаго народа съ своимъ императоромъ и въ особенности — 2) изъ недружелюбнаго отношенія къ Россіи съ давнихъ поръ.

1) Газеты, журналы, иллюстрированные журналы, театры, кинематографы, наконецъ, учрежденія полны вниманія и интереса къ главѣ государства и его дѣламъ и распоряженіямъ, въ особенности въ области арміи и флота. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ случилось однажды просматривать одно ежедневное общераспространенное иллюстрированное изданіе. Не было за это время нумера, гдѣ бы не было современныхъ снимковъ съ офицеровъ и солдатъ, военныхъ кораблей и моряковъ, парадовъ и маневровъ, патріотическихъ ферейновъ, гимнастическихъ упражненій и т. д.,

и въ рѣдкихъ изъ нихъ не было снимковъ императора или его родственниковъ, направляющихъ и награждающихъ, возбуждающихъ или хотя бы присутствующихъ при тѣхъ или иныхъ экзерцицъ и патріотическихъ актахъ. Мнѣ пришлось быть въ столицѣ Германіи, между прочимъ, въ дни празднованія 25-лѣтняго юбилея Вильгельма II, и я могъ убѣдиться, какъ сочувственно относились къ этому празднованію нѣмцы. Не говоря уже о безчисленныхъ депутаціяхъ и процессіяхъ, не исключая и процессіи трубочистовъ, самое настроеніе уличной толпы было вполнѣ опредѣленно сочувственное. Нѣмцы сумѣли опредѣлить и наглядно представить самую сущность и духъ его царствованія. На многочисленныхъ и громадныхъ четыреугольныхъ столбахъ съ электрическимъ освѣщеніемъ и золочеными коронами они помѣстили многочисленныя и разнообразныя изреченія Вильгельма II за время его царствованія. И сущность этихъ изреченій — мощь Германіи, особенно военная, ея преуспѣяніе и т. д. И поставивъ себя на мѣсто нѣмца, надо было признать, что единеніе между императоромъ и нѣмецкимъ народомъ дѣйствительно существовало.

2) Въ вопросѣ о войнѣ съ Россіей не могло быть разногласія между правительствомъ Вильгельма II и народомъ потому, что отношеніе народа къ русскимъ и раньше не было благожелательнымъ. Удобнѣе всего и нагляднѣе всего недоброжелательство нѣмецкаго общества къ Россіи и русскому можно было наблюдать за послѣдніе годы на нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ. Въ извѣстіяхъ, касающихся Россіи и русскихъ былъ разлитъ тонкій, даже не всѣмъ замѣтный духъ недоброжелательства, насмѣшки, пренебреженія, иногда даже вражды. Самый подборъ извѣстій, а въ особенности манера изложенія показывала это. Въ этомъ отношеніи съ германскими газетами сходна была и нѣмецкая пресса въ русскихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, только послѣдняя вынуждена была держать себя съ несравненно большею осторожностью.

То же самое обнаруживалось изъ множества другихъ фактовъ — арестовъ воображаемыхъ русскихъ шпіоновъ, мнимыхъ преступниковъ, недоброжелательства къ русскимъ студентамъ въ нѣмецкихъ университетахъ и т. д. Даже невинный разговоръ, напр., въ вагонѣ трамвая на русскомъ языкѣ

не всегда оставался безъ впечатлѣнія (въ отличіе, напр., отъ Парижа, Лондона); попутчики обыкновенно тотчасъ же настораживались. И аресты мнимыхъ шпіоновъ или иныхъ мнимыхъ преступниковъ производились не исключительно полицейскими мѣрами. Русскихъ указывали, ловили, задерживали и готовы были избивать многочисленные добровольцы изъ публики. И когда въ концѣ-концовъ, по истеченіи нѣкотораго времени, оказывалось даже для самыхъ пристрастныхъ слѣдователей, что никакихъ основаній для ареста не было, виновники ареста отнюдь не спѣшили признать и загладить ошибки, а принимались за новые поиски.

Особенно характерно было дѣло одной русской дамы изъ высшаго общества, которая была обозначена въ нѣмецкихъ газетахъ, какъ княгиня Г. Эта дама наняла въ Германіи на службу, въ качествѣ гувернантки, молодую нѣмку. Обѣ отправились на одинъ изъ берлинскихъ вокзаловъ (Lehrter Bahnhof) для дальнѣйшаго путешествія. Пока онѣ поджидали поѣзда, возлѣ нихъ вдругъ начала собираться толпа, достигшая скоро нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, которая начала держать себя по отношенію къ русской дамѣ самымъ угрожающимъ образомъ. Уже слышались яростные возгласы, начались толчки, недалеко было до побоевъ. Полиція отправила обѣихъ въ участокъ, и русская дама должна была отвѣчать на вопросъ по безсмысленному обвиненію въ увозѣ дѣвушки для торговли ею. Чистою случайностью лишь было то, что русскую княгиню знали и въ консульствѣ и въ посольствѣ, такъ что пребываніе въ участкѣ заняло лишь нѣсколько часовъ, и вздорныя обвиненія подозрительной столичной толпы разсѣялись. Но для другого лица, не столь высокопоставленнаго, подобныя обвиненія могли бы оказаться болѣе опасными. Обсуждая этотъ инцидентъ, пресса не проявила ни малѣйшаго сочувствія къ ни въ чемъ неповинной иностранкѣ и не высказала какого-нибудь неодобренія по отношенію къ толпѣ. Пресса увидѣла въ этомъ случаѣ только попытку устроить «судъ Линча» (какъ-будто этотъ судъ набрасывался на невинныхъ), а о жертвѣ еще сыронизировала въ такомъ смыслѣ, что «русская дама, вѣроятно, порядочно струсила».

Во время командировки года три тому назадъ я пробовалъ было слушать теоретическія лекціи нѣкоторыхъ про-

фессоровъ-историковъ. Но эти лекціи по всеобщей исторіи, въ особенности профессора Ленца, бывшаго тогда ректоромъ университета, до такой степени пропитаны были узкимъ нѣмецкимъ національнымомъ, что я принужденъ былъ отъ нихъ отказаться, и перешелъ исключительно на практическія занятія. Но и тамъ, на занятіяхъ по средневѣковой исторіи, насчетъ русской жизни отпускались иногда шуточки и остроты по самымъ неожиданнымъ поводамъ, большею частью подъ предлогомъ сравненія.

Не буду говорить о множествѣ другихъ фактовъ, показывавшихъ уже задолго до войны непріязнь нѣмцевъ къ Россіи и къ русскимъ, непріязнь прочную и общую. Уже въ прошломъ году для внимательнаго наблюдателя было ясно, что въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать нападенія.

Около года тому назадъ произошли первыя явныя вспышки вражды нѣмцевъ къ Россіи. Нѣмецкія газеты вдругъ и совершенно неожиданно, безъ всякаго повода стали приписывать Россіи мнимое желаніе напасть на Германію, желаніе русскихъ начать войну съ нѣмцами, уменьшить могущество послѣднихъ и т. п. Этотъ взрывъ ненависти среди тишины, при вполнѣ корректномъ отношеніи со стороны русскаго общества и правительства, взрывъ совершенно необъяснимый, возбудилъ изумленіе не только въ русскомъ обществѣ. На него обратила вниманіе тогда же иностранная печать и отмѣтила его, какъ абсолютно дутый, безъ всякихъ видимыхъ основаній.

Эта безпричинная вспышка вызвала во многихъ русскихъ лишь недоумѣніе. Многіе вообразили, что произошло какое-то недоразумѣніе, которое надо немедленно разъяснить, и тогда, казалось, установятся прежнія добрососѣдскія отношенія. Одна изъ крупнѣйшихъ московскихъ газетъ командировала своего сотрудника къ виднымъ нѣмецкимъ общественнымъ дѣятелямъ съ вопросомъ, желаютъ ли они войны. Конечно, тѣ отвѣтили отрицательно. Другого отвѣта нечего было и ждать. Даже отправляя милліонныя арміи для завоеванія, едва ли кто скажетъ, что въ принципѣ онъ противъ мира. Да и теперь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала войны, послѣ разрушенія Лувена и Реймса, нѣмецкіе дѣятели и ученые увѣряютъ, какъ и правительство, что

Германія войны не начинала и что нѣмцы очень даже любятъ искусство («Воззваніе германской интеллигенціи къ культурному міру»).

Старѣйшій и опытнѣйшій русскій публицистъ, нынѣ покойный, пользовавшійся немалымъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ, изъ всѣхъ силъ старался убѣдить нѣмецкое общество и прессу, что произошло прискорбное недоразумѣніе. Онъ пишетъ открытое письмо въ Neue Freie Presse, въ которомъ объясняетъ, что русское правительство и общество не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ агрессивныхъ намѣреній. Миръ крайне необходимъ Россіи, именно теперь онъ для нея — conditio sine qua non.

Итакъ, нѣмцы безъ всякихъ основаній, безъ всякихъ рѣшительно поводовъ вдругъ стали обвинять Россію, что она *собирается* напасть. А русскіе публицисты доказывали, что Россія не только фактически миролюбива, но и необходимо *должна быть* миролюбивой. Такіе переговоры сторонъ мнѣ тогда же привели на память переговоры между волкомъ и ягненкомъ. Въ извѣстной баснѣ волкъ, въ концѣ-концовъ, опершись на единственный искренній аргументъ: ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать. И такой аргументъ давно уже зрѣлъ въ нѣмецкомъ обществѣ и лишь въ самое послѣднее время вскрылся.

Все вышесказанное происходило до войны. Внимательный наблюдатель настроенія нѣмецкаго общества и правящихъ сферъ могъ уже тогда прійти къ вѣрному заключенію, что нападеніе Германіи на Россію — дѣло ближайшаго будущаго. Ждали только хорошаго повода.

Когда поводъ нашелся и притомъ на рѣдкость удачный, какого не дождаться и десятилѣтіями (извѣстно, что нѣмецкія газеты не постѣснялись выставить виновникомъ Сараевскаго убійства не только Сербію, но и Россію), тогда за него ухватились обѣими руками и довели дѣло до разрыва. Когда война была объявлена, то и въ это время не было раскола между нѣмецкимъ народомъ и нѣмецкимъ правительствомъ, и здѣсь Вильгельмъ II явился лишь удачнымъ выразителемъ настроенія своего народа.

Народъ былъ единодушенъ съ правительствомъ Вильгельма II съ момента объявленія войны и остался такимъ до сихъ поръ, поскольку можно судить по немногимъ,

вполнѣ достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Германіи. Безъ всякаго предписанія, вполнѣ по собственному почину набрасывалась толпа на мирныхъ русскихъ путешественниковъ, путешественницъ, дѣтей, осыпала ихъ оскорбленіями и камнями.

Вполнѣ единодушны съ Вильгельмомъ были и избранники народа и интеллигенціи; объ арміи и чиновничествѣ, конечно, и говорить нечего. Избранники народные не только одобрили войну, но и способъ ея веденія. Они съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили слова канцлера о нарушеніи Германіей нейтралитета Бельгіи, — нейтралитета, подписаннаго и признаннаго самою же Германіей. Нарушеніе германскаго обязательства канцлеръ, какъ извѣстно, объяснилъ такъ: Not kennt kein Gebot. Иначе говоря: мы считаемъ это для себя нужнымъ и мы не постѣсняемся никакимъ закономъ. Рейхстагъ бурно аплодировалъ этому заявленію. Раскола между правительствомъ и народными избранниками не произошло.

Не обнаружила стремленія къ расколу и интеллигенція. Литераторы, критики и художники единодушно постановили осуществить еще неслыханный въ мірѣ бойкотъ: бойкотъ литературныхъ произведеній, произведеній художественныхъ. И эта мѣра никакъ не могла быть навязанною, ибо ни правительство, ни армія много не выигрывали отъ этого.

Но интеллигенція пошла и дальше. Когда общественную совѣсть не-нѣмецкихъ народовъ стали смущать чинимыя нѣмцами звѣрства надъ мирнымъ населеніемъ и вандализмъ по отношенію къ предметамъ древности, науки и искусства, компанія нѣмецкихъ ученыхъ взялась отрицать очевидное. Они состряпали такъ называемое воззваніе къ культурному міру. Оказывается, что «намъ», т.-е. нѣмцамъ, «давно уже грозило нападеніе съ трехъ сторонъ», что это «нападеніе, наконецъ, состоялось» и Вильгельмъ II «встрѣтилъ этотъ ударъ». Есть тамъ и о бельгійцахъ, ибо обращеніе съ бельгійцами болѣе всего и доразило цивилизованный ненѣмецкій міръ. И обращеніе съ бельгійцами нѣмецкіе интеллигенты вполнѣ одобряютъ.

Нашлись и отдѣльные представители этого цвѣта интеллигенціи, которые, не довольствуясь коллективнымъ выступленіемъ, въ одиночку высказались въ такомъ же духѣ.

Я упомяну лишь о двухъ всемірно извѣстныхъ писателяхъ: Вундтѣ и Гауптманѣ [1]).

Словомъ, доступное наблюденіе въ нѣмецкой жизни и литературѣ сверху донизу и отъ одного края до другого, показываетъ, что нѣмецкій императоръ и нѣмецкій народъ не расходились и не расходятся между собою въ томъ, что касается подготовки и цѣлей войны и образа дѣйствій во время войны. Вильгельмъ II индивидуализировалъ и осуществилъ то, къ чему стремился нѣмецкій народъ. Безъ Вильгельма формы осуществленія могли бы быть иными, но сущность осталась бы та же.

III.

Мы пришли къ положенію, что войнѣ сочувствовалъ и войну началъ нѣмецкій народъ во главѣ съ своимъ императоромъ. Но почему же нѣмецкій народъ одобрялъ и одобряетъ войну?

Для того, чтобы уяснить себѣ какъ происхожденіе войны, такъ и нѣмецкій способъ ея веденія, нужно понять характеръ нѣмецкаго народа. Нѣтъ нужды много говорить обо всѣхъ качествахъ нѣмецкаго народа, — его настойчивости, способности къ труду, методичности и т. д. Намъ важно обратить вниманіе на тѣ стороны его характера, которыя

---

[1]) 82-хлѣтній психологъ Вундтъ нашелъ нужнымъ прочесть въ Лейпцигѣ докладъ „Ueber den wahrhaften Krieg“. И онъ оперируетъ красными, но давно уже ставшими въ Германіи шаблонными фразами о культурной миссіи и работѣ Германіи, о сохраненіи ею мира и т. д. Исходъ войны не вызываетъ у него никакихъ сомнѣній. Его лишь заботитъ вопросъ о томъ, на что употребить милліардныя контрибуціи, которыя потекутъ несегодня завтра въ Германію и какъ распорядиться съ землями тройственнаго согласія,—напр., англійскими колоніями, ибо для Англіи, по мнѣнію Вундта, „ея колоніальныя владѣнія слишкомъ тяжелы“, что сдѣлать съ Финляндіей, Польшей, прибалтійскими губерніями, Франціей и т. д.

Другой выдающійся представитель нѣмецкой интеллигенціи, имѣвшій случай высказаться открыто,—Гергардъ Гауптманъ,—творецъ „Ганнеле“ и „Потонувшаго колокола“. Ему русская критика приписываетъ „глубокій идеализмъ, вѣру въ духъ человѣческій, который ставитъ себѣ все болѣе и болѣе высокія цѣли“. И Гауптманъ одобряетъ вторженіе въ Бельгію и разрушеніе памятниковъ искусства и звѣрства надъ безоружнымъ населеніемъ,—все для Германіи. А противниковъ Германіи онъ голословно обвиняетъ „въ преступномъ заговорѣ на жизнь здороваго и самобытнаго государства“.

имѣютъ отношеніе къ происхожденію войны. Изъ такихъ его свойствъ надо считать главными: 1) грубый шовинизмъ и 2) грубый практицизмъ вмѣстѣ съ наклонностью къ захватамъ.

Собственно обозначеніе обоихъ этихъ качествъ не вполнѣ точно. Оба эти качества не имѣютъ еще вполнѣ точнаго названія, ибо эти качества составляютъ исключительную особенность нѣмецкаго народа и могутъ быть объяснены лишь описательно.

Первое качество не можетъ быть названо патріотизмомъ, или даже чрезвычайно сильнымъ патріотизмомъ. Если бы это былъ патріотизмъ, тогда нечего было бы и возразить противъ этого. Патріотизмъ есть благородное, естественное и необходимое чувство гражданина. Патріотъ любитъ свою страну и народъ, всѣми своими силами содѣйствуетъ ея преуспѣянію, жертвуетъ всѣмъ и самою своею жизнью для ея блага. Жалка та страна, въ которой нѣтъ патріотизма, жалки и тѣ люди въ какомъ-либо большомъ и развитомъ государствѣ, которые, чтобы показаться особенно передовыми и безпристрастными, огульно бранятъ свое, родное и безъ разбора выхваляютъ чужое. Такія лица доказываютъ не столько безпристрастіе или передовые взгляды, сколько ихъ наклонность выдѣлиться, выплыть на счетъ и къ ущербу роднаго народа.

Нѣмецкому народу, впрочемъ, только-что изображенныя явленія всегда были чужды и непонятны, — своего онъ не бранитъ. Однако нѣмецкое самовеличаніе, повторяю, не можетъ быть названо патріотизмомъ. Мы знаемъ патріотизмъ японскій, англійскій, французскій и т. д. Все это не то, что такъ называемый патріотизмъ нѣмецкій.

Никакой патріотизмъ не требуетъ ненавидѣть или презирать всѣ другіе народы и всѣ другія государства, истреблять и уничтожать ихъ, не щадя безоружныхъ, женщинъ и дѣтей; онъ не требуетъ считать международные договоры и обязательства ничего не стоящими «клочками бумаги». Въ такой уродливой формѣ нѣмецкое національное безмѣрное самовеличаніе, связанное съ неудержимою ненавистью или презрѣніемъ къ другимъ народамъ (и государствамъ) не только патріотизмъ, но даже и простымъ шовинизмомъ называться не можетъ.

ПОГАШЕНО

Для цѣлей германизма должна быть приносима въ жертву не только жизнь нѣмецкаго гражданина, но и вообще все существующее, и въ особенности — чужое. Религія, нравственность, право, справедливость, гуманность, истина, — все должно стать жертвою для торжества германизма. Наконецъ, въ жертву ему начинаетъ мало-по-малу приноситься наука, пока въ ея немногихъ, болѣе гибкихъ отрасляхъ: антропологія, исторія, философія. Нѣмецкіе антропологи доказывали, что и по физическому строенію германцы — раса исключительная и неизмѣримо превосходящая другихъ. Историки въ тысячахъ изслѣдованій доказываютъ превосходство и исключительность нѣмецкаго генія, нѣмецкой силы, нѣмецкой культуры [1]). Философы доказывали, что прусско-германскій духъ есть наивысшее обнаруженіе духа абсолютнаго.

Нечего и говорить, что всѣ эти доказательства и построенія составлены къ ущербу для истинной науки. Но они тѣмъ опаснѣе, что во всемъ остальномъ труды подобныхъ изслѣдователей вполнѣ научны и обнаруживаютъ зачастую всѣ признаки талантливыхъ работъ, съ новѣйшими научными пріемами. Къ счастію лишь немногія науки способны на эту новую для нихъ роль прислужницъ германизма (ancillae teutonicae).

Наконецъ, публицисты приходили къ заключенію, что рамки Германіи не соотвѣтствуютъ ея достоинству и что въ самомъ близкомъ будущемъ неизбѣжно расширеніе Германіи и главнымъ образомъ на счетъ Россіи.

Въ этой оргіи самовеличанія писатели натыкались на одно очень серьезное препятствіе: въ человѣчествѣ существовали и существуютъ геніальные и талантливые люди и помимо Германіи, и притомъ еще больше, чѣмъ въ самой Германіи.

Чтобы побѣдить это препятствіе и остаться при убѣжденіи о превосходствѣ и исключительности нѣмецкаго духа, открылось два пути. Одинъ путь — отрицать заслуги выдающихся культурныхъ дѣятелей не-нѣмецкихъ и превоз-

[1]) На все большее и большее проникновеніе націоналистическихъ идей въ историческія работы нѣмцевъ я указывалъ уже годъ тому назадъ („О нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области историческаго изученія“, стр. 12).

ПОГАШЕНО
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
541891

носить нѣмецкихъ. Но всѣхъ не-нѣмецкихъ геніевъ все-таки трудно было затоптать, и потому пробовали итти другимъ путемъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы доказывать нѣмецкое или по крайней мѣрѣ германское исхожденіе чужеземныхъ выдающихся людей. Оказались такимъ образомъ германцами: Данте, Петрарка, Боккаччіо, Микель-Анжело, Леонардо да-Винчи, Колумбъ, Галилей, Гарибальди, Кавуръ, Кольберъ, Мазарини, Декартъ, Вольтеръ, Руссо, Лавуазье, Кювье, Викторъ Гюго и т. д. Доказательства ихъ германскаго происхожденія взяты не на основаніи родословныхъ, а на основаніи чертъ лица и именъ [1]).

По отношенію къ нѣкоторымъ болѣе выдающимся культурнымъ не-нѣмецкимъ дѣятелямъ разными нѣмцами примѣнялись оба вышеуказанные способа. Такъ, одни нѣмецкіе изслѣдователи старались доказать, что Рафаэль не выдерживаетъ никакого сравненія съ нѣмцемъ Альбрехтомъ Дюреромъ. А другіе и его сопричислили къ нѣмцамъ.

Самовеличаніе германцевъ не есть явленіе новое. Оно тянется черезъ всю исторію, съ перваго же момента выступленія германцевъ на историческую почву. Не останавливаясь на массѣ фактовъ, доказывающихъ это, укажу лишь на самое древнее его проявленіе у одного изъ германскихъ племенъ, ничѣмъ пока еще себя не заявившаго міру, кромѣ самаго грубаго варварства. Вотъ какъ франки говорятъ о себѣ самихъ (прологъ Салической Правды):

Народъ франковъ славный, Творцомъ Богомъ созданный, сильный въ оружіи, непоколебимый въ мирномъ договорѣ, благородный тѣломъ, неповрежденный въ чистотѣ, превосходный по осанкѣ, смѣлый, быстрый, неутомимый, — свободный отъ ереси. Слава Христу, любящему франковъ, — это есть храброе и сильное племя.

Нужно помнить, когда и кѣмъ сдѣлано такое заявленіе. Оно сдѣлано въ ту пору, когда другіе народы вообще понятія не имѣли о націоналистическихъ стремленіяхъ въ современномъ смыслѣ слова. Сдѣлано безъ всякаго повода, потому что заявленіе пристегнуто къ записи юридическихъ обычаевъ, а не къ какой-нибудь этнографической статьѣ, гдѣ столь блестящая собственная характеристика была бы

[1]) Обращаемъ вниманіе на прекрасную статью Д. Анучина: Значеніе нынѣшней войны („Русск. Вѣдом.“, № 227-228, 3-4 окт. 1914 г.).

ЛМ/Б-87 541891

болѣе умѣстна. Это заявленіе возникло въ ту эпоху, когда у франковъ ни литературы, ни письменности, ни школъ, ни образованія не было и опубликовано оно не однимъ человѣкомъ на свой страхъ, а выдается за коллективное, отъ имени народныхъ избранниковъ и представителей.

Подобныя же тенденціи обозначаются у германскаго народа и во всей послѣдующей средневѣковой и новой исторіи, когда представлялся къ обнаруженію ихъ поводъ и возможность.

IV.

Другое качество нѣмцевъ — практицизмъ, связанный съ неудержимою наклонностью къ пріобрѣтательству и захватамъ.

Я не стану много говорить о хищническихъ захватахъ германцевъ въ средніе вѣка, о порабощеніи и захватахъ среди славянскихъ и литовскихъ племенъ (особенно у балтійскихъ славянъ, у поляковъ — Данцига съ областью, у пруссовъ — всей ихъ земли), обыкновенно подъ предлогомъ обращенія въ христіанство, хотя это обращеніе было производимо такими способами, что даже въ далекомъ Римѣ содрогались и пытались остановить и исправить, но безуспѣшно.

Я укажу лишь на войны послѣднихъ двухъ вѣковъ, XVIII и XIX, чтобы показать особенно хищническій ихъ характеръ по сравненію съ войнами другихъ государствъ. Война — напр., за австрійское наслѣдство была со стороны пруссаковъ не болѣе, какъ организованнымъ грабежомъ. И въ Европѣ поражались тогда разбойничьимъ презрѣніемъ къ праву, вѣроломствомъ и хитростью, проявленнымъ пруссаками, подобно тому, какъ и нынѣ европейскіе народы изумлены дѣйствіями Германіи. Далѣе, въ томъ же родѣ: навязанный имп. Екатеринѣ II первый раздѣлъ Польши; обманъ Пруссіей той же Польши, которая втянулась въ войну прецъ вторымъ раздѣломъ именно въ расчетѣ на помощь Пруссіи, полагаясь на прямое обѣщаніе послѣдней. Въ XIX в.: война съ Даніей въ защиту якобы правъ герцога аугустенбургскаго; но въ результатѣ, несмотря на обильную добычу, много превышавшую дѣйствитель-

ныя права герцога, этотъ герцогъ не получилъ ничего. Вслѣдъ затѣмъ Пруссія при раздѣлѣ добычи обманываетъ даже Австрію и, въ доказательство своей правоты, разбиваетъ ее при Кениггрецѣ. А еще черезъ нѣсколько лѣтъ она нарушаетъ свои же заявленія по отношенію къ Франціи (о войнѣ съ императорскимъ правительствомъ, а не съ французскимъ народомъ).

Во всѣхъ такихъ войнахъ стремленіе къ захвату, притомъ обманнымъ способомъ, проходитъ красною нитью, составляя не индивидуальный моментъ или эпизодъ, а одинъ изъ существенныхъ факторовъ войны, и поэтому обыкновенно обозначается историками (не-нѣмецкими) даже въ краткомъ обзорѣ учебнаго характера. Въ сущности, только война 1813 года можетъ считаться нѣсколько сходною съ обычными русскими войнами. Но и эта война начата была почти поневолѣ, послѣ усиленнаго приглашенія со стороны Россіи, уже послѣ того, какъ французская имперія понесла тяжкій уронъ въ Россіи, — начата была съ колебаніями и опаскою, хотя дѣло шло именно объ освобожденіи и возрожденіи самихъ пруссаковъ. Ничего подобнаго русской войнѣ 1877—78 года Пруссія въ своей исторіи не знала.

Конечно, и всякое другое государство, не только Пруссія и Германія, склонно при благопріятныхъ условіяхъ къ пріобрѣтенію новыхъ земель. Извѣстно, что современное государство и не бываетъ самоотверженнымъ въ пользу другихъ государствъ, предоставляя самоотверженіе усмотрѣнію частныхъ лицъ и въ частныхъ отношеніяхъ. Но нигдѣ и никѣмъ пріобрѣтательство не практиковалось и не практикуется такъ систематически, обманнымъ образомъ и безстѣнчиво, съ нарушеніемъ всякихъ трактатовъ. Есть же разница между стремленіемъ къ пріобрѣтенію однихъ и пріобрѣтательствомъ другихъ, подобно тому, какъ есть разница между понятіями: ѣсть и наѣдаться или пить и напиваться.

Для сравненія можно взять, напр., отношеніе государствъ къ нейтралитету Бельгіи. Въ 1870 году воюющихъ связывало, какъ и теперь должно было бы связывать, обязательство сохранять ея нейтралитетъ. Ходъ войны былъ неудаченъ для французовъ. Французское войско было при-

двинуто къ границѣ Бельгіи. Но французы даже въ такой крайности не сочли возможнымъ нарушить свое обязательство. Они, по выраженію Ллойдъ-Джорджа, «предпочли гибель. Французскій императоръ, французскіе маршалы, 100.000 храбрыхъ солдатъ предпочли уйти въ качествѣ плѣнныхъ въ чужую страну, лишь бы не навлечь позора на имя своей родины. Если бы они нарушили бельгійскій нейтралитетъ, можетъ-быть, вся исторія той страны была бы иной». Французы не вошли въ Бельгію въ крайней опасности для отечества, дѣйствительной, а не выдуманной. Нѣмцы вошли туда, вопреки своему обязательству, вступили не для самозащиты, а чтобы нанести болѣе вѣрный, смертельный ударъ Франціи, которая на нихъ не нападала и не собиралась нападать.

Нападая на другихъ въ цѣляхъ захватовъ, германцы измышляютъ, однако, разные, болѣе или менѣе благовидные предлоги. Въ одномъ случаѣ они ссылаются на чужія права (которыхъ, однако, не удовлетворяютъ, — какъ права герцога августенбургскаго), въ другомъ — на то, что въ намѣченной къ захвату землѣ культура не столь высока, какъ въ Германіи, въ третьемъ, что кто-то будто бы собирался напасть на Германію и т. д. Пострадавшіе отъ нѣмцевъ сосѣди и государства обыкновенно поражались неожиданнымъ ударомъ, жаловались, протестовали; изумлялись и нейтральные народы, но, въ концѣ-концовъ, примирялись съ случившимся фактомъ, — до того затруднительны были совмѣстныя дѣйствія противъ насильниковъ. Если не считать семилѣтней войны, то настоящая война является первымъ рѣшительнымъ и сильнымъ протестомъ культурныхъ государствъ противъ нѣмецкихъ захватовъ и правовыхъ нарушеній, при чемъ въ этомъ протестѣ и вооруженномъ сопротивленіи приняли участіе, конечно, наиболѣе заинтересованныя державы.

Практицизмъ съ наклонностью къ пріобрѣтательству и захватамъ, какъ и шовинизмъ — общія народныя черты. Нѣмецкіе публицисты издавна стали ихъ формулировать болѣе опредѣленно, давая имъ quasi-научное оправданіе, и убѣждать въ необходимости развитія ихъ у нѣмцевъ въ возможно большей степени. Уже болѣе полувѣка тому назадъ одинъ нѣмецкій писатель (Кохъ) доказывалъ, что въ нѣмецкомъ народѣ, въ цѣляхъ доставленія ему преимуществен-

наго положенія въ человѣчествѣ, надо развивать общіе у человѣка съ хищными животными инстинкты и способности; при этомъ животные хищническіе инстинкты называются «благородными». Другіе писатели считали идеаломъ нѣмцевъ отсутствіе добродушія [1]). Изъ современныхъ намъ событій видно, что идеалъ хищничества и отсутствіе добродушія, какъ справедливо замѣчаетъ Д. Н. Анучинъ, «въ значительной степени достигнутъ нѣмцами, особенно — германской арміей».

Нѣкоторые нѣмецкіе народные герои и идеалы дѣйствительно напоминаютъ поставленный Кохомъ звѣроподобный образецъ; таковы въ особенности Альбрехтъ Медвѣдь, Генрихъ Левъ (оба извѣстны истребленіемъ или оттѣсненіемъ славянъ и захватомъ ихъ земель), которымъ совмѣстно съ Фридрихомъ Барбарусою приписывается такая сила, что втроемъ они могли бы перевернуть міръ. А въ новое время настоящимъ идеаломъ нѣмцевъ сдѣлался Бисмаркъ. Вся Германія переполнена неисчислимыми знаками восторга предъ этимъ дѣятелемъ и его принципами крови и желѣза. Не довольствуясь массою историческихъ панегириковъ, памятниковъ, наименованіемъ улицъ, площадей, учрежденій именемъ Бисмарка, нѣмцы громадную статую этого канцлера втащили даже въ главный соборный храмъ своей столицы. Даже въ Россіи, въ прибалтійскомъ краѣ, мнѣ приходилось одно время преподавать въ такомъ частномъ училищѣ, стѣны котораго, вмѣсто привычныхъ русскому глазу изображеній, были украшены портретомъ Бисмарка съ надписью: Unser achtzigjähriger Bismarck.

То, чему поклоняется нѣмецкій народъ, что ставитъ себѣ образцомъ, совсѣмъ не похоже на идеалы и примѣры у другихъ народовъ. При сравненіи разница приблизительно будетъ та же, какъ при сравненіи, напр., двухъ образовъ: Бисмарка и Гладстона. Что касается Россіи, то тутъ достаточно припомнить нѣсколько эпитетовъ, приданныхъ государямъ исторіею или публицистами, чтобы сразу увидѣть, какія мысли чаще всего приходятъ въ голову русскому при обсужденіи событій прошлаго и на что обращаетъ онъ вниманіе при оцѣнкѣ своихъ

---

[1]) Д. Анучинъ. Значеніе нынѣшней войны.

героевъ или историческихъ дѣятелей. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ общественныхъ эпитетовъ: Красное Солнышко, Тишайшій, Благословенный, Царь-Освободитель, Царь-Миротворецъ.

Идеалы народа отражаются, между прочимъ, и на религіи. Но и эту область нѣмцы вполнѣ приспособили къ своимъ интересамъ, вмѣсто того, чтобы самимъ проникаться ею. Подъ предлогомъ религіи франки покорили саксовъ, а саксы — покоряли и истребляли славянъ. Самая идея крестоваго похода была окончательно искажена именно саксами. Есть громадная разница между идеею перваго крестоваго похода и идеею второго. Крестоносцы 1096 года шли съ понятною мыслью: передать въ христіанскія руки самую великую христіанскую святыню, которую оскверняли иновѣрцы. А лѣтъ пятьдесятъ спустя, когда подготовлялся второй крестовый походъ, саксонцы выставили совсѣмъ другую идею. «Къ чему», говорили они, «итти намъ такъ далеко: у насъ по сосѣдству есть свои язычники, мы будемъ сражаться лучше съ ними». И папа разрѣшилъ имъ этотъ ближайшій крестовый походъ [1]). Нельзя не видѣть разницы между идеею этого крестоваго похода внутри средней Европы (съ цѣлью насильственнаго крещенія язычниковъ вообще) и основною идеею перваго крестоваго похода [2]).

---

1) Можно прибавить, что когда крестоносное ополченіе подошло къ славянскому городу Штетину, то осажденные мнимые язычники выставили сами на своихъ стѣнахъ крестъ, а бывшій въ городѣ Штетинскій епископъ, родомъ изъ Польши, убѣждалъ крестоносцевъ не употреблять насильственныхъ мѣръ для водворенія христіанства.

2) Да и самая реформація въ Германіи имѣла всѣ признаки той жестокости, грубоватости, которыя такъ свойственны выдающимся германскимъ дѣятелямъ. Нѣмцы отвергли логическія и послѣдовательныя религіозныя идеи Гуса, истребили его приверженцевъ. Имъ больше по душѣ пришелся свой Лютеръ, который по изображенію историковъ, лишь „въ одномъ неизмѣненъ—въ страстной ненависти къ папству, да сохраненія народныхъ чертъ характера. Коренастый нѣмецъ, онъ былъ образцомъ грубости, отсутствія свѣтскаго образованія... Его перо и слово было отголоскомъ деревенской брани; на каждомъ шагу встрѣчается: чортъ расчортъ. Онъ близокъ къ народу... А въ его ненависти къ Риму—наивно-грубый, искренній патріотизмъ. Представители независимой, хотя бы и близкой ему мысли стали его личными врагами—расчертовскими сердцами и вралями (ein—, durch—, überteufelte). Онъ проклиналъ науки и народныя движенія, требовалъ жечь синагоги евреевъ, придалъ узкій, нетерпимый характеръ библейству“ (Трачевскій). А вотъ извлеченіе изъ его памфлета: „Противъ кре-

V.

Слѣдствіемъ развитія вышеобозначенныхъ качествъ является конецъ логики, правды и справедливости во всемъ, что сколько-нибудь имѣетъ отношеніе, хотя бы и самое отдаленное, къ своей или чужой націи. При арестѣ кого-нибудь по подозрѣнію, напр., въ шпіонствѣ, обычная логика требовала бы, чтобы для сужденія о его винѣ были разсмотрѣны факты. Германской публицистикѣ это совершенно не требуется. Она первымъ дѣломъ узнаётъ, какой національности шпіонъ, и ея рѣшеніе и негодованіе готовы. Захваченъ нѣмецкій шпіонъ въ Англіи, Франціи, Россіи (до войны), — значитъ, онъ невиновенъ, хотя бы и улики были налицо. Захватили мирнаго русскаго на нѣмецкой почвѣ, — значитъ, это шпіонъ и преопасный, хотя бы онъ фактически и мысли не имѣлъ о шпіонствѣ. Захваченнаго держатъ недѣлями, мѣсяцами, а публицисты и общество мечутъ громы и молніи противъ мнимыхъ шпіоновъ. Шпіономанія нѣмцевъ особенно привлекла вниманіе Европы за послѣдніе нѣсколько лѣтъ.

Утрата основныхъ положеній логики и справедливости дѣлается еще замѣтнѣе, если отъ указанныхъ національныхъ нѣмецкихъ качествъ страдаютъ цѣлыя народности. Когда, напр., культурный чешскій народъ оказался неподатливымъ въ дѣлѣ германизаціи, то, не говоря уже о милліонахъ обыкновенныхъ нѣмцевъ, имѣвшихъ давнія убѣжденія и пріемы на этотъ счетъ, высказался по этому дѣлу самъ столпъ нѣмецкой науки, Моммзенъ; и высказался онъ въ томъ смыслѣ, что чехамъ надо пробивать головы.

Но славянъ нѣмцы хотятъ считать низшею расою и при такихъ изъявленіяхъ ненависти и презрѣнія стараются указывать на славянскую отсталость. Однако во всемъ этомъ проявляется не превосходство образованнаго надъ необразованнымъ, а просто — безмѣрное національное самовеличаніе и неудержимое пріобрѣтательство; ибо и въ приложеніи къ такимъ народамъ, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть

стьянъ-разбойниковъ и убійцъ". Здѣсь говорилось помѣщикамъ: „Поднимайтесь, ратуйте, спасайте, колите, бейте, душите, какъ можете, открыто или тайно: нѣтъ ничего болѣе ядовитаго, вреднаго, дьявольскаго, чѣмъ бунтовщикъ; его убить—все равно, что бѣшеную собаку".

въ некультурности, пріемы нѣмцевъ не отличаются большею мягкостью.

Кому, напр., не извѣстно, что бельгійцы были невинной и геройски державшей себя жертвой? Развѣ можно ожидать, чтобы живой организмъ не защищался, когда на него разбойнически нападаютъ изъ-за угла, безъ всякаго повода и съ нарушеніемъ всякаго права и справедливости? Этотъ народъ своимъ беззавѣтнымъ и безнадежнымъ героизмомъ напомнилъ всѣмъ извѣстную античную трагедію трехсотъ спартіатовъ въ Θермопильскомъ ущельѣ. А по логикѣ нѣмецкихъ интеллигентовъ, выступившихъ съ печатнымъ заявленіемъ, бельгійцы — «гіэны» и «дикіе звѣри». «Не наказавъ бельгійцевъ», говорятъ они далѣе, «мы не исполнили бы нашего долга по отношенію къ человѣчеству». Что же будетъ, если германцы впредь и по отношенію къ другимъ народамъ такъ же примутся исполнять свой «долгъ предъ человѣчествомъ»?

Одна бельгійская мать написала открытое письмо нѣмецкой императрицѣ; у обѣихъ этихъ женщинъ сыновья были ранены на войнѣ. Бельгійская мать указывала на разницу между идеею, воодушевлявшею ея сына и тѣмъ стремленіемъ, которое двигало нѣмцами и въ частности — сыномъ императрицы [1]).

Наивная мать не подозрѣвала, что, даже въ случаѣ прочтенія, ея письмо произведетъ на нѣмецкую натуру впечатлѣніе, не большее, чѣмъ отъ жужжанія пролетѣвшей надъ тарелкою мухи. Заявленія о гуманности, о христіанствѣ — не имѣютъ никакого значенія для тѣхъ, которые искореняютъ у себя всякіе признаки добродушія, а христіанство такъ приспособили къ своимъ цѣлямъ, что оно утратило свою сущность. Заявилъ же, какъ сообщаютъ газеты, одинъ па-

---

[1]) Она, между прочимъ, писала: „Неужели вы думаете, что хотя одинъ офицеръ, а нашъ сынъ меньше, чѣмъ кто-либо другой, можетъ избѣгнуть отвѣта передъ Богомъ за преступленія, совершавшіяся цѣлыми недѣлями методически и безпощадно во всѣхъ уголкахъ моей родины? Не вызываетъ ли этотъ крестъ въ васъ помимо гордости, нѣкотораго содроганія при мысли о томъ, что символъ Христа украшаетъ собой грудь тѣхъ, кто виновенъ въ самыхъ низкихъ насиліяхъ? Я не завидую вашей гордости. Много слезъ предстоитъ вамъ осушить, много развалинъ возстановить. Но я благословляю Бога за то, что мы можемъ сбнять нашихъ сыновей солдатъ съ гордой увѣренностью, что они воины, а не убійцы!“

сторъ и членъ рейхстага (Гейнъ): «Правда, что наши солдаты пристрѣливали всѣхъ французскихъ и бельгійскихъ бездѣльниковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора, а также, что нѣмцы разрушали ихъ жилища. Однако считающій, что это противно христіанскому ученію, лишь доказываетъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ истинномъ духѣ христіанства».

Такими и подобными заявленіями нѣмцы совершенно удовлетворяются и остаются спокойными при самыхъ возмутительныхъ нарушеніяхъ права и гуманности и при всякихъ проявленіяхъ варварства со стороны своихъ соотечественниковъ.

Но, къ своему искреннему изумленію, они видятъ, что не-нѣмцы не согласны съ ихъ логикою. Такъ какъ расчетливые нѣмцы понимаютъ, что имъ нѣтъ никакой выгоды понапрасну вооружать противъ себя другіе народы, то они и тутъ придумали средство успокоить взволнованную общественную совѣсть. Для этого они рѣшили использовать тотъ ореолъ уваженія, которымъ иностранцы окружаютъ нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, особенно такихъ, которые дѣйствительно являются свѣдущими каждый въ своей области.

И вотъ эту-то свою культурную силу нѣмцы рѣшили примѣнить для устраненія тяжелаго впечатлѣнія отъ нѣмецкихъ звѣрствъ. Посыпались наперерывъ заявленія и воззванія, коллективныя и одиночныя, отъ имени ректоровъ университетовъ, профессоровъ, ученыхъ, поэтовъ и композиторовъ о томъ, что ничего собственно не было, что бельгійцевъ никто не уродовалъ и что они чуть ли не сами себя сѣкли и мучили. Варварскаго обращенія съ русскими путешественниками также, молъ, не было. Напротивъ, нѣмцы, когда была объявлена война «проявили крайнюю гуманность и культурность по отношенію къ русскимъ подданнымъ, захваченнымъ трагедіей въ Германіи, тогда какъ русскіе по отношенію къ нѣмцамъ проявили всю свою грубость, жестокость и некультурность».

Кажется, исторія еще не знаетъ такихъ документовъ, въ которыхъ съ такимъ апломбомъ отрицалась бы очевидная истина, отрицалась притомъ самымъ культурнымъ слоемъ общества. Тутъ уже вполнѣ торжествуетъ принципъ, провозглашенный ихъ же философомъ: fiat vita, pereat veritas (Ницше).

Публичныя заявленія нѣмецкихъ интеллигентовъ доказываютъ, что они не останавливаются ни предъ чѣмъ. Имъ какъ бы мало тѣхъ разрушеній, которыя производятся ихъ пушками. Они атакуютъ уже умственныя и нравственныя сферы. Собраніе ихъ именитыхъ интеллигентовъ — это своего рода мортира, наподобіе крупповскихъ мортиръ, и съ ея помощью они пытаются произвести опустошенія въ сферѣ совѣсти и правды. И нельзя сказать, чтобы дѣйствія этой мортиры были ничтожны: безъ пороха, безъ газовъ, она производитъ крайне удушливое, подавляющее впечатлѣніе, и нельзя поручиться, чтобы не было жертвъ изъ нейтральныхъ государствъ, жертвъ, которымъ грозитъ задушеніе въ этой атмосферѣ лжи и обмана.

О какомъ-либо уваженіи къ сражающемуся непріятелю, объ отданіи ему справедливаго и должнаго со стороны германцевъ, конечно, нечего и думать. Была у насъ недавно война на Дальнемъ Востокѣ. И наши прежніе противники, японцы, кажутся настоящими рыцарями по сравненію съ нѣмцами. Они не затаивали героизма русскихъ солдатъ и моряковъ. Нѣкоторые подвиги русскихъ были бы совершенно никому неизвѣстны, если бы о нихъ не сообщили сами японцы [1]).

На подобное правдивое свидѣтельство нѣмцы оказываются неспособными, хотя оно для нихъ было бы совершенно безвредно. Ни справедливости ни гуманности; они пытаются внести уничтоженіе даже среди мирныхъ или не воюющихъ. Вотъ два раненыхъ. Одинъ — русскій, и попадаетъ въ сферу нѣмецкую. Къ нему на полѣ приближается нѣмецкая т. н. сестра милосердія; но она норовитъ его прикончить, пырнувъ ножомъ. А вотъ и нѣмецкій раненый среди русскихъ. Къ нему приближаются санитары, — онъ

---

[1]) Особенно замѣчателенъ фактъ, имѣвшій мѣсто на миноносцѣ „Стерегущій“. Я напомню о немъ, такъ какъ не разъ убѣждался, что о немъ знаютъ очень немногіе. На этомъ миноносцѣ всѣ были перебиты во время боя, осталось лишь два матроса; одинъ изъ нихъ былъ раненъ. Къ миноносцу подплыли японцы, взошли и хотѣли было овладѣть кораблемъ. Но оба матроса скрылись въ нижнюю часть миноносца, заперли наглухо дверь и раскрыли отверстія для воды, чтобы не отдать миноносца врагамъ. Герои обрекли себя на смерть, и имена ихъ останутся навсегда неизвѣстными исторіи; остался бы неизвѣстнымъ и весь ихъ подвигъ, если бы о немъ не повѣдали сами же японцы.

ихъ кусаетъ, къ нему подходитъ сестра милосердія, —онъ въ нее плюетъ. Факты единичные, конечно, но очень характерные, ибо они происходятъ изъ одного источника.

Такъ, тотъ народъ, который хотѣлось считать въ ряду наиболѣе культурныхъ народовъ, который, дѣйствительно, и выставилъ изъ своей среды немало крупныхъ дѣятелей во всѣхъ почти областяхъ знанія, запятналъ себя самою грубою жестокостью и варварствомъ.

VI.

Чѣмъ же объяснить происхожденіе такихъ варварскихъ актовъ, которыя для очень многихъ и въ Россіи и внѣ ея казались сначала просто невѣроятными, какимъ-то недоразумѣніемъ?

Главная основа уже была указана: наличность въ нѣмецкомъ характерѣ издавна чертъ грубаго шовинизма и наклонности къ пріобрѣтательству.

Новые захваты для своего фатерланда и уничтоженіе противниковъ германизма представляются нѣмцу дѣломъ такой міровой, исключительной важности, что все остальное — гуманность, культура, религія, справедливость, жизнь милліоновъ людей совершенно утрачиваетъ свою цѣнность предъ этою высокою цѣлью. Въ принципѣ нѣмецъ ничего собственно не имѣетъ ни противъ гуманности ни противъ культуры; нѣмцы даже не мало поработали для культуры. Но гуманность имѣетъ въ виду собственно нѣмецкій міръ, и культура подразумѣвается также лишь нѣмецкая. И когда заговорили въ немъ его національнистическія чувства, — все не-нѣмецкое должно стушеваться.

Въ моменты національнистическаго подъема истый германецъ на иностранные предметы искусства, чужую жизнь, справедливость, истину (въ отношеніи къ иностранцамъ) столь же мало обращаетъ вниманія, какъ, напр., охотникъ за журавлями — на смятую траву, попавшій подъ ноги полевой цвѣтокъ или бабочку. Въ такія времена надменный и самодовольный германецъ все сокрушаетъ на своемъ пути, все топчетъ, надъ всѣмъ ругается, въ увѣренности, что нѣтъ въ мірѣ лучшаго, какъ германизмъ и его господство.

Такимъ-то самовлюбленнымъ подъемомъ германизма и объясняются публичныя бахвальныя заявленія нѣмцевъ и нѣмокъ, что «человѣчеству бѣды не будетъ, если оно пожертвуетъ нѣсколькими соборами и библіотеками для своего возрожденія» (т.-е. германизаціи), или что «нѣмцы на мѣстѣ разрушенныхъ и уничтоженныхъ предметовъ древности и искусства создадутъ еще лучшія» и т. п.

На такой-то основѣ и развивались поразившіе міръ эксцессы. Кромѣ того, на происхожденіе многихъ несправедливыхъ и насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ иностранцамъ вліяли еще слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, большее по сравненію съ прежнимъ, участіе народа въ политикѣ и, во-вторыхъ, перенесеніе своихъ качествъ на иностранцевъ.

Народъ нынѣ принимаетъ большее участіе въ такихъ серьезныхъ дѣйствіяхъ, какъ война. И когда, напр., подготовляется у нѣмцевъ агрессивное выступленіе противъ восточнаго сосѣда, то вполнѣ естественно происходитъ въ разныхъ слояхъ нѣмецкаго общества и правительства какъ бы взаимное подстрекательство, возбужденіе, какъ бы для самоусиленія и самооправданія. Разжигается злоба, ненависть, и эти чувства выливаются неровно и несдержанно, какъ и всякія сильныя народныя чувства [1]).

Перенесеніе нѣмцами своихъ качествъ на иностранцевъ имѣло для послѣднихъ самыя плачевныя послѣдствія. Особенно это сказалось въ сферѣ шпіонства. Германцы организовали во всѣхъ заподозрѣнныхъ или намѣченныхъ къ захвату странахъ шпіонство (въ этой сферѣ имъ безусловно принадлежитъ пальма первенства), поставили его на научную почву. Шпіоны нѣмецкіе, большею частью добровольческіе, десятками и сотнями тысячъ раскинулись по европейскому материку, имѣя свои иногда очень почтенныя и постоянныя занятія и со свойственною нѣмцамъ методичностью, выдержкою, преданностью дѣлу и искусствомъ обслуживаютъ свою метрополію. Англія была переполнена шпіонами и, кажется, еще и доселѣ не вполнѣ отъ нихъ освободилась. Въ Россіи,

[1]) Наименѣе кровопролитныя сраженія въ исторіи были какъ разъ среди лицъ, идейно не связанныхъ съ какою бы то ни было изъ борющихся сторонъ: взаимныя стычки итальянскихъ кондотьеровъ иногда были скорѣе похожи на маневры, чѣмъ на кровопролитныя сраженія.

разумѣется, ихъ больше всего. Въ Россіи не разъ поражались, неожиданно для себя убѣждаясь въ шпіонствѣ и предательствѣ такихъ заслуженныхъ лицъ, съ прекраснымъ положеніемъ, которыя должны были бы, казалось, стоять внѣ всякаго подозрѣнія.

Всѣ свои качества: жажду захватовъ, грубый шовинизмъ и полнѣйшую неразборчивость въ средствахъ для интересовъ метрополіи нѣмцы усвояютъ и людямъ другихъ національностей. Русскихъ, напр., было въ Германіи лѣтомъ настоящаго года нѣсколько десятковъ тысячъ. Если бы нѣмцы въ такомъ количествѣ на нѣсколько мѣсяцевъ наводнили чужую страну, то, конечно, всѣ слабыя стороны этой страны были бы изучены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, чтобы использовать ихъ въ подходящій для захвата моментъ. Эти свои качества и скрытые расчеты нѣмцы и приписываютъ своимъ гостямъ въ Германіи. И оттого возникало, напр., у русскаго путешественника чрезвычайно тяжелое положеніе. Иной, можетъ-быть, годами лелѣялъ мечту попасть въ эту образцовую, культурную и гуманную «заграницу», съ благоговѣніемъ глядѣлъ даже на самыя обыкновенныя, но заграничныя поля и домики, повсюду находилъ образцы для подражанія и восторга, и вдругъ — безъ всякаго повода его хватаютъ, бьютъ, оплевываютъ, глумятся и творятъ жестокости надъ его близкими. Этимъ же перенесеніемъ своихъ качествъ на другихъ надо, повидимому, объяснять и тотъ фактъ, что германскіе раненые, попадая въ плѣнъ къ русскимъ, иногда зажмуривали глаза, съ ужасомъ ожидая смертельнаго удара.

VII.

Но, спрашивается, если грубость, и иныя указанныя качества надо считать давно уже существовавшими у нѣмцевъ, то почему же до сихъ поръ ихъ не замѣчали, и только теперь, по выраженію Метерлинка, «нѣмецъ снялъ предъ нами свою личину и открылъ свое лицо хищнаго звѣря»?

Вышеуказанныя нѣмецкія качества, конечно, существовали и раньше. Но они не вполнѣ обнаруживались, подобно тому, какъ и майоръ Прейскеръ, герой Калиша, и тыся-

ЛЛ/Б-87 541891

чи другихъ подобныхъ дѣятелей также раньше существовали, но не имѣли случая выказать себя. Точно также не было поводовъ выступить во всей откровенности всѣмъ нѣмецкимъ свойствамъ. Было бы странно, напр., если бы Пруссія сто лѣтъ тому назадъ, едва сохранившая самое свое существованіе при поддержкѣ Россіи, вдругъ заговорила бы съ культурнымъ міромъ современнымъ заносчивымъ языкомъ торжествующихъ побѣдителей, когда пруссаки вовсе и не были побѣдителями. Эта роль была имъ тогда просто не по плечу, и нѣмцы были достаточно умны, чтобы не видѣть этого.

Только послѣ 1871 года начали слегка вскрываться шовинистскія и пріобрѣтательскія идеи. Но нѣмецкій шовинизмъ смахивалъ на патріотизмъ, а жажда захватовъ могла казаться естественнымъ стремленіемъ большого культурнаго государства къ расширенію. И пока эти нѣмецкія идеи не наносили европейскимъ державамъ и народамъ существеннаго ущерба, онѣ большихъ безпокойствъ не возбуждали. Чрезмѣрное самовеличаніе нѣмцевъ въ сущности было болѣе замѣтно простымъ путешественникамъ, которые, не имѣя ни связей ни богатства, должны были вступать въ непосредственное соприкосновеніе также съ небогатыми и невліятельными слоями нѣмецкаго народа. И тѣ наблюденія, которыя выпадали на долю такого русскаго путешественника, были наиболѣе цѣнными, ибо предъ нимъ нѣмцы мало церемонились. Такія наблюденія свидѣтельствуютъ о давнемъ и прочномъ недоброжелательствѣ къ Россіи.

Но даже если открывался дѣйствительный шовинизмъ и дѣйствительная жажда захватовъ, то, пока то и другое оставалось на почвѣ теоретической, иностранцы не много безпокоились; всѣ подобныя вожделѣнія легко могли быть отнесены на счетъ индивидуальныхъ вкусовъ и оригинальничанія или оригинальности, скорѣе забавной, чѣмъ опасной. Сюда могли быть отнесены давно высказанные взгляды Коха, Іенча, Трейчке, даже Гегеля съ его идеализаціей Пруссіи и мн. др. Предметомъ европейскаго вниманія были не эти взгляды, а вся нѣмецкая культура, въ особенности внѣшняя, которая всѣмъ импонировала и вызывала удивленіе. Почитая культуру, хотѣлось думать по аналогіи, что и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ у нѣмцевъ все обстоитъ благополучно, даже прекрасно, и у нихъ во всемъ надо искать образцовъ.

VIII.

Итакъ, для объясненія причинъ войны надо прежде всего обратить вниманіе на Германію; въ характерѣ и стремленіяхъ нѣмецкаго народа и правительства заключается самый важный факторъ войны.

Что касается Россіи, то въ агрессивность ея политики, несомнѣнно, не вѣрятъ даже тѣ нѣмцы, которые приписывали ей завоевательные планы и которые указывали на Россію, какъ на виновницу войны. И если они иногда все еще утверждаютъ это, то вотъ почему. Положеніе невинной жертвы, на которую нападаютъ, имѣетъ свои выгоды, и германцы хотѣли воспользоваться и этими выгодами; только поэтому германское правительство и представители германскаго общества дѣлали публичныя заявленія о своемъ стараніи сохранить миръ, хотя эти заявленія противорѣчили дѣйствительности. Вообще и сами нѣмцы, когда имъ не надо морочить другихъ выдумками о завоевательныхъ планахъ Россіи, спокойно разсуждаютъ о томъ, что рано или поздно они отнимутъ у Россіи ея западныя губернія (на первыхъ порахъ), потому что Россія не культурна и не способна къ культурному развитію.

При такомъ оборотѣ дѣла единственная вина русскихъ оказывалась бы въ ихъ некультурности.

Но тутъ нѣмцы намѣренно теряютъ изъ виду историческія условія, въ которыя была поставлена Россія. Они забываютъ, что Россія вѣками должна была вести борьбу съ хищническими племенами, кочевниками и ханствами, что эти хищники были усмирены лишь въ концѣ XVIII в. въ Европейской Россіи и во второй половинѣ XIX в. въ Азіи; что были вѣка, когда только половина мужчинъ могла работать на хозяйство, а другая должна была быть вѣчно настороже, чтобы встрѣтить кочевниковъ, которые стремились все разграбить, истребить и увести въ плѣнъ; что именно изъ-за этого, вслѣдствіе необходимости имѣть достаточно защитниковъ, изъ-за насущной государственной нужды, пришлось допустить прикрѣпленіе крестьянъ. А въ это самое время, въ годины тягчайшей экономической и государственной нужды Россіи, западно-европейскіе на-

роды, не имѣя никакой внѣшней опасности, — ибо съ востока Россія сдерживала азіатовъ, — конечно, могли на досугѣ совершенствовать и науки и искусства. Въ Западной Европѣ могли строить соборы, нѣкоторые соборы даже въ теченіе вѣковъ, рисовать картины, обдумывать глубокомысленнѣйшія философскія системы, а на Руси крестьяне, посадскіе, да служилые люди ни на одинъ день не были увѣрены не только въ безопасности своего скуднаго имущества, но и самой свободы и жизни; ибо не было мѣста, свободнаго отъ хищныхъ набѣговъ, исключая развѣ новгородскихъ болотъ, да и то, если они не замерзали.

Но даже и въ тягчайшихъ условіяхъ Русь страстно тянулась къ свѣту, только его намѣренно и методически закрывали и не допускали до Россіи, между прочимъ, тѣ же нѣмцы — германскіе и ливонскіе. Ливонскій нѣмецкій форпостъ былъ особенно бдителенъ: когда московскіе цари старались за большія деньги нанять въ Западной Европѣ мастеровъ и знающихъ людей, — ливонцы спѣшили напугать нѣмецкаго императора тѣмъ, что Русь будетъ очень сильна и опасна, если станетъ образованною. И императоръ внималъ голосу предусмотрительныхъ ливонцевъ, разгонялъ уже договорившихся съ Русью лицъ, и — Русь попрежнему предоставлялась самой себѣ, да монгольскому вліянію.

При такихъ напастяхъ съ востока и запада приходится удивляться не тому, что Россія не успѣла еще сравняться въ культурѣ съ западомъ, а тому, что она вообще выжила и не только выжила, но и образовала великое государство, которое нельзя назвать некультурнымъ.

Такимъ образомъ, при объясненіи войны нечего искать какихъ-либо поводовъ въ Россіи, даже въ ея мнимой некультурности.

Сербія, Франція, Бельгія, подвергшіяся нападенію нѣмцевъ, а равно и Англія, ставшая на защиту обязательствъ, такъ же, какъ извѣстно, войны не вызывали.

IX.

Третья сфера, гдѣ можно искать объясненія войны, есть сфера всемірно-историческихъ идей.

Давно уже въ человѣчествѣ зародилась идея объединить всѣ народы и всѣ государства подъ однимъ управле-

ніемъ. Въ древности было нѣсколько попытокъ къ объединенію человѣчества. Попытки эти принадлежали послѣдовательно четыремъ крупнымъ монархіямъ, которыя казались тогда всемірными монархіями. То были монархіи: ассиро-вавилонская, мидо-персидская, македоно-греческая и римская.

Въ новое время идея всемірной монархіи, или объединенія человѣчества, разрабатывалась болѣе теоретически (если не считать попытокъ къ объединенію со стороны папы и императора). Нѣкоторые писатели лелѣяли мечту о томъ, что пройдутъ вѣка и тысячелѣтія, и человѣчество сброситъ перегородки между отдѣльными своими частями, объединится и заживетъ согласно. То, что тратилось на поддержаніе этихъ перегородокъ — войска, крѣпости, таможни, по мнѣнію такихъ мечтателей, утратитъ свой смыслъ, и энергія и средства найдутъ другое примѣненіе. Не надо будетъ и множества языковъ, разъединяющихъ и создающихъ неудобства; будетъ одинъ общій языкъ, понятный всѣмъ. Такова отдаленная, никому не возбраняемая мечта.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣмцы издавна имѣли мысль о господствѣ надъ міромъ. Въ этомъ духѣ высказывались еще до объединенія Германіи. Публицисты и нѣкоторые ученые готовы были видѣть исполненіе этой идеи о господствѣ нѣмцевъ надъ всѣмъ міромъ въ неособенно далекомъ будущемъ. Мало-по-малу къ тому же приходили и германскіе политики, особенно въ виду чрезвычайнаго развитія германской промышленности, торговли и военнаго дѣла.

Но, конечно, они знали, что міровое господство достижимо не сразу. Прежде всего надо было достигнуть безусловнаго преобладанія въ Европѣ. А эта цѣль могла быть достигнута въ два пріема. Первый пріемъ — присоединеніе къ Германіи западной половины Европейской Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ — пораженіе славянства. Второй — господство нѣмцевъ во всей Европѣ и низведеніе великихъ державъ къ мелкимъ полузависимымъ государствамъ [1]).

---

[1]) Сущность настоящей войны сводится именно къ борьбѣ *Германіи* за гегемонію въ *Европѣ*, причемъ противниками такой нѣмецкой гегемоніи являются великія державы Европы. Поэтому названіемъ для этой войны (поскольку о немъ теперь можно говорить) можетъ быть или „Великая европейская война“ (внѣевропейскія военныя событія играютъ лишь второстепенную роль, составляя отраженіе событій въ Европѣ), или „Великая

Въ настоящемъ году собственно предполагалось начать съ перваго этапа — завоеванія Россіи. Англію во всякомъ случаѣ не желательно было вызывать одновременно на бой: это видно было изъ досады, которую испытали и обнаружили германскіе политики, когда узнали, что Англія не можетъ остаться пассивною зрительницею нарушенія международныхъ обязательствъ. Да и война съ одною Россіею вполнѣ соотвѣтствовала бы нѣмецкой методичности въ дѣлѣ пріобрѣтеній.

И если бы эта методичность была осуществлена на дѣлѣ, — положеніе Россіи было бы чрезвычайно серьезно; не потому, конечно, чтобы наша доблестная армія не сумѣла геройски и самоотверженно противустать врагу. Трудно было бы вотъ почему. Мы никогда не помышляли ни о томъ, чтобы изъ-за угла напасть на сосѣда, ни даже о томъ, что онъ на насъ нападетъ. Всей своей энергіи мы не тратили на изобрѣтеніе истребительныхъ орудій. Союзниковъ могло у насъ не оказаться. Всѣ симпатіи Англіи могли бы быть на сторонѣ Россіи, но непосредственнаго участія въ войнѣ Англія не приняла бы, если бы Германія не нарушила нейтралитета Бельгіи. А если бы Германія оказала всевозможные любезные подходы Франціи, то весьма сомнительно, чтобы и Франція сама объявила войну Германіи. Республиканское правительство слишкомъ хорошо знало настроеніе французскаго общества; оно знало, какъ французы жаждутъ мира и готовы ради него итти даже на уступки. Нужно знать, до какой степени французы любятъ и цѣнятъ личную трудовую жизнь и погружаются въ ея интересы, чтобы понять, насколько была бы тамъ непопулярна собственная иниціатива войны съ Германіей [1]). Весьма вѣроятно, что отыскались бы чрезвычайно многочисленные и сильные противники такой войны. Это грозило бы расколомъ общественнаго мнѣнія.

И если бы въ настоящее время Германія сумѣла удержать Францію отъ войны, то въ будущемъ борьба съ Фран-

германская война". Послѣднее названіе указывало бы на германизмъ, изъ-за котораго собственно и ведется борьба.

[1]) Само собою разумѣется, что жизненные интересы Франціи требовали бы дружнаго и тѣснаго выступленія ея вмѣстѣ съ Россіей противъ Германіи.

ціей облегчалась бы съ каждымъ десятилѣтіемъ, — въ виду чрезвычайнаго скуднаго прироста французскаго населенія. При такихъ условіяхъ Франціи грозила бы участь рано или поздно сдѣлаться добычей Германіи.

Но даже если бы Германіи и не удалось избѣжать въ настоящемъ году войны съ Франціей, войну съ Англіей во всякомъ случаѣ легко было предотвратить. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ настоящей войны Германія, видимо, не проявила обычной методичности и выдержки.

Германія слишкомъ увѣрена въ своихъ силахъ и возможно, что правительство имѣло въ виду и борьбу одновременно со всѣми четырьмя европейскими державами. Несомнѣнно, въ Германіи былъ выработанъ и подготовленъ самый подробный и искусный планъ такой одновременной кампаніи. Неслыханныя боевыя снаряженія, небывалыя пушки и невиданной конструкціи подводныя лодки, изумительно дисциплинированная и единодушная армія давали увѣренность въ побѣдѣ надъ всѣми противниками. Если бы Германія воевала только съ одною державою, то, конечно, эти новыя изобрѣтенія дали бы Германіи быстрый и рѣшительный перевѣсъ. Однако тогда тѣ державы, которыя остались бы нейтральными, были бы научены чужимъ опытомъ и сумѣли бы и у себя завести подобныя военныя усовершенствованія.

Если бы даже Германіи и удалось сохранить свои военные секреты (что весьма трудно во время войны), то другія державы постарались бы изобрѣсти вновь у себя нѣчто наподобіе Германіи. Тогда Германіи пришлось бы вновь употреблять всѣ усилія, чтобы превзойти противниковъ, что уже не обѣщало вѣрнаго успѣха.

Такимъ образомъ, б ы л ъ смыслъ въ томъ, чтобы примѣнить свои военныя изобрѣтенія одновременно надъ всѣми главными противниками.

Однако досада германскаго канцлера при извѣстіи о переходѣ Англіи на сторону воюющихъ показываетъ, что для германскаго правительства предпочтительнѣе было имѣть дѣло сначала съ немногими противниками. Почему же эти противники умножились?

Повидимому, германская дипломатія не была достаточно искусна. Эпигоны Бисмарка усвоили его смѣлость, даже дерзость, но не усвоили его осмотрительности, благодаря

которой онъ умѣлъ прежде всякихъ смѣлыхъ и вызывающихъ дѣйствій обезпечить себѣ почву, надежныхъ союзниковъ или по крайней мѣрѣ — безспорный нейтралитетъ.

Въ то же самое время русская дипломатія сдѣлала удивительные успѣхи. Нашему министру иностранныхъ дѣлъ удалось привлечь на сторону Россіи всѣ симпатіи и сплотить для войны съ Германіей важнѣйшія европейскія державы. С. Д. Сазоновъ сумѣлъ далѣе заключить условіе, по которому сепаратный миръ для каждой изъ трехъ воюющихъ съ Германіей великихъ державъ не можетъ быть заключенъ. И это соглашеніе имѣетъ для Россіи особенное значеніе: при обширности русской территоріи могло бы случиться, что наибольшіе территоріальные (хотя бы и временные) захваты нѣмцы сдѣлали бы въ Россіи, и не ожидая того времени, когда Россія вытѣснитъ ихъ, Германія могла бы поспѣшить заключить мирный договоръ съ западными государствами и всѣ свои силы направить противъ Россіи.

X.

Итакъ, современная война есть слѣдствіе стремленія нѣмцевъ къ всемірному господству.

Но какъ международная политика Германіи при началѣ войны была, съ точки зрѣнія интересовъ Германіи, не очень умной, такъ и способъ веденія войны былъ отчасти невыгоденъ даже для самой Германіи. Варварское уничтоженіе предметовъ культуры и звѣрства, можетъ-быть, были полезны, какъ воспитательное средство для самихъ германцевъ, т.-е. германскій народъ практически пріучался затаптывать въ грязь все, что не служило цѣлямъ германизма. Но эти же самые акты заставили отшатнуться отъ германцевъ людей разныхъ націй, которые въ общемъ высоко цѣнили германскую культуру.

И это совершенно естественно. Люди относятся съ самымъ глубокимъ вниманіемъ къ германской культурѣ, готовы даже итти навстрѣчу большему культурному объединенію человѣчества, но никто не можетъ сочувствовать возвращенію ко временамъ ассирійской монархіи съ ея насиліемъ и жестокостями.

Если представить себѣ, что побѣдила бы Германія, человѣческая культура надолго пріобрѣла бы специфическія германскія качества, а народамъ и государствамъ грозила бы участь подневольнаго существованія, а то и превращенія въ тевтоновъ. Но великія государства возстали. И какъ идейныхъ факторовъ войны было два: грубый германскій націонализмъ съ стремленіемъ къ захватамъ и всемірно-историческая идея, такъ и основами для сопротивленія грозному германизму стали двѣ идеи: національная и общечеловѣческая.

Великіе и малые европейскіе народы не хотятъ превращаться въ нѣмцевъ. Они не могутъ допустить истребленія своихъ соціальныхъ, національныхъ и государственныхъ идеаловъ. Даже небольшія національности, бельгійская и сербская, не могутъ отдать безъ борьбы родину и свою самостоятельность.

И это вполнѣ понятно и очень важно для общечеловѣческой культуры. Не можетъ культура человѣческая быть совершенно обезличена. Въ націи есть свои цѣнныя черты, которыхъ, можетъ-быть, нѣтъ въ другой. Если черты дѣйствительно цѣнны и жизненны, то они переходятъ къ другимъ и дѣлаются мало-по-малу достояніемъ всего человѣчества.

Можно сомнѣваться въ цѣлесообразности принудительной нивелировки въ этомъ отношеніи, даже идеальной. А когда образцомъ долженъ служить пруссакъ, со всѣми его недавно и окончательно раскрывшимися свойствами, то у другихъ національностей уже совсѣмъ не могло оставаться двухъ мнѣній.

Но противниковъ Германіи, кромѣ понятной національной самозащиты, вдохновляютъ и общечеловѣческія чувства. Въ сущности, даже древнія монархіи, такъ называемыя «всемірныя монархіи», — ассиро-вавилонская, мидо-персидская, македоно-греческая и римская, имѣли гораздо больше смысла и заслугъ, чѣмъ надвигающееся господство германизма. Вѣдь, напримѣръ, Александръ Македонскій, дѣлая завоеванія, дѣйствительно распространялъ греческую образованность и цивилизацію среди невѣжественныхъ и косныхъ азіатскихъ племенъ. Величайшее міровое значеніе четвертой «всемірной монархіи», римской, съ ея цивилизаторскою дѣя-

тельностью въ Европѣ, среди тѣхъ же германцевъ, затѣмъ — въ Африкѣ и Азіи, также не требуетъ доказательствъ. Разница между невѣжественными варварскими племенами и культурными завоевателями-римлянами слишкомъ велика, чтобы не замѣтить хорошей стороны римской монархіи.

Но есть ли такая разница между современными германцами съ одной стороны и бельгійцами, французами, англичанами — съ другой? Конечно, ничего подобнаго нѣтъ. Только ненормально возбужденное націоналистическое самовеличаніе германцевъ можетъ претендовать на какое-то превосходство.

Мало того. Нѣмецкая культура не имѣетъ качествъ, которыя съ величайшимъ трудомъ, въ теченіе тысячелѣтій, проникали въ общественныя и международныя отношенія: гуманности и уваженія къ правдѣ.

Значитъ, попытка установить насиліемъ міровое господство германизма не имѣетъ даже тѣхъ положительныхъ качествъ (превосходства надъ покоряемыми), которыя свойственны были древнѣйшимъ четыремъ всемірнымъ монархіямъ.

Воюющіе противъ Германіи стали на защиту гуманности, права и справедливости, противъ циничнаго и эгоистическаго попранія всего этого германизмомъ. Оттого-то сербовъ, французовъ, бельгійцевъ, русскихъ и англичанъ сближаетъ и роднитъ не чувство захвата или мести, а чувство правды и права, истинныхъ качествъ культуры, вопреки дѣйствіямъ германцевъ, которые, казалось, имѣли или желали имѣть въ области культуры исключительныя привилегіи, почти монополію. И если бы эта монополія продолжилась и укрѣпилась, тогда исказилась бы та культура, къ которой съ такимъ трудомъ стремилось человѣчество и замѣнена была бы продуктами чисто германскаго производства — made in Germany, какъ выразился Ллойдъ-Джорджъ. «Договоровъ не будетъ, національной чести не будетъ, свободы не будетъ. Что же останется? Германія останется, Германія — Deutschland über alles».

Эта-то перспектива и поставила державы въ необходимость прибѣгнуть къ оружію, — послѣднему и единственному средству, доступному пониманію нѣмцевъ.

Цѣль воюющихъ — довести войну до конца; иначе говоря,

надо было бы обезоружить Германію, обезвредить ее, чтобы хоть въ ближайшемъ будущемъ она не производила такихъ опустошительныхъ набѣговъ въ областяхъ европейскихъ государствъ и культуры. Война будетъ очень упорною: слишкомъ непримиримы цѣли воюющихъ. И можно было бы думать, что въ концѣ-концовъ, союзники одержатъ надъ Германіей побѣду, если бы были вполнѣ послѣдовательны и настойчивы. Но исторія показываетъ намъ, что войны, въ началѣ вполнѣ опредѣленныя и понятныя, съ теченіемъ времени осложнялись такими непредвидѣнными обстоятельствами, запутывались такою массою привходящихъ второстепенныхъ соображеній и выгодъ, не соотвѣтствующихъ основной задачѣ войны, что принимали совершенно новое направленіе и приводили къ неожиданнымъ результатамъ. Въ современной войнѣ трудно, конечно, ожидать вліянія какихъ-либо скрытыхъ факторовъ. Опасаться можно было бы лишь взаимнаго недовѣрія союзниковъ. Такое недовѣріе, какъ извѣстно, уже и старалась Германія косвенными путями возбудить въ Англіи противъ Россіи, но безуспѣшно. Если не возбуждено будетъ недовѣрія среди союзницъ и если онѣ окажутся настойчивыми, то побѣда ихъ обезпечена [1]).

---

[1]) Надо, однако имѣть въ виду, что „доведеніе войны до конца“ (въ смыслѣ отнятія у Германіи возможности хоть въ ближайшемъ будущемъ производить нападенія, столь гибельныя для процвѣтанія культурныхъ народовъ) сопряжено съ величайшими трудностями, даже въ случаѣ рѣшительнаго военнаго перевѣса союзниковъ надъ Германіей. Препятствіями для подобнаго „конца“ могутъ оказаться слѣдующія обстоятельства.

1) Постепенное притупленіе негодованія на германскія дѣйствія. Германцы изо всѣхъ силъ постараются отыскать въ дѣйствіяхъ своихъ противниковъ (являющихся отвѣтомъ германцамъ) хоть какіе-нибудь мелкіе поступки, которые представляются германцамъ неправильными, и настойчивыя, категорическія увѣренія и обобщенія германцевъ въ этой области не останутся безъ нѣкотораго впечатлѣнія.

2) Дѣйствительная опасность для самой Германіи и ея слѣдствія. *То, что было раньше безусловною неправдою* (заявленія нѣмцевъ о заговорѣ Англіи, Франціи и Россіи противъ Германіи“) *станетъ фактомъ*, когда Англія, Франція и Россія пожелаютъ дѣйствительно обезопасить себя въ будущемъ отъ опасности германизма. И если доселѣ германизмъ нельзя было отказать въ ожесточеніи и удивительной изворотливости, то дѣйствительная опасность отечества придастъ имъ чрезвычайную силу. А геройская самозащита всегда производила впечатлѣніе

Всѣхъ союзниковъ объединила одна цѣль — отпоръ чрезмѣрнымъ притязаніямъ германизма. Но каждая держава относится къ ней по-своему. Англія сознательно и твердо ведетъ борьбу, ибо она задолго до войны поняла планы Германіи на міровую гегемонію. Французы страстно, бурно возненавидѣли нѣмцевъ, которые безъ всякаго повода нарушаютъ ихъ спокойную жизнь. Сербы, бельгійцы геройски борятся за самое свое существованіе. Россія добродушно и довѣрчиво относилась къ сосѣдкѣ, долго не вѣрила въ возможность войны. Россія много сдѣлала для Германіи, уступала ей первое мѣсто, мирилась съ ея капризами, зная, что въ сосѣдствѣ взаимныя уступки необходимы. И только тогда, когда нападеніе уже состоялось, Россія вступила въ борьбу.

Любопытно положеніе и нѣкоторыхъ нейтральныхъ государствъ. Одни изъ нихъ, какъ Голландія, Данія затихли въ тревогѣ, желая и ожидая лишь одного, — чтобы этотъ поднявшійся великій ураганъ пронесся мимо и не надѣлалъ непоправимыхъ бѣдъ. Другимъ непосредственный и ближайшій германизмъ пока еще не такъ страшенъ: Румыніи, Болгаріи и до недавняго времени Турціи. Имъ тоже прививаются хищническіе порывы ихъ нѣмецкими нянъками — Гогенцоллернами, Кобургами и Сандерсами, но пока еще, за исключеніемъ османовъ, безуспѣшно. Питомцы не германскаго и не османскаго корня сильно пятятся назадъ, несмотря на нѣмецкую указку. Да и правительства ихъ вотъ уже четвертый мѣсяцъ ломаютъ свои головы надъ трудною

Румянцевский Библіотекъ

на культурное общество хотя бы и во враждебныхъ государствахъ (не въ Германіи), морально обезоруживая ихъ.

3) Проявленіе какою-либо державою чувствъ прощенія и благородства. Доселѣ, при ликвидаціи военныхъ дѣйствій въ XVIII—XIX вѣкахъ, Россія обыкновенно проявляла благородство и уступчивость въ такой степени, которая скорѣе подходила бы частному лицу и въ частныхъ отношеніяхъ, но которая не столь полезна для государства и въ международныхъ отношеніяхъ.

4) Трудность фактически принудить Германію прекратить милитаризмъ. При современныхъ культурныхъ понятіяхъ съ одной стороны и при обнаружившейся ловкости и беззастѣнчивости Германіи—съ другой, трудно представить себѣ возможность надзора или контроля въ этой сферѣ. Подобному контролю, не подлается народъ, даже вдесятеро меньшій по количеству населенія, не столь сплоченный, съ меньшими дарованіями и образованностію.

задачею: разгадать поскорѣе, кто же будетъ побѣжденъ, ибо дѣло очень опасное лягнуть льва, который еще не раненъ и не поверженъ.

XI.

Когда европейскія державы организовали сопротивленіе германизму, онѣ исходили изъ основъ національныхъ и общекультурныхъ. Но въ германскихъ дѣяніяхъ есть еще одна сторона дѣла, которая лишь инстинктивно чувствовалась обществомъ, но на которую доселѣ не обращалось достаточно вниманія. Сторона эта примыкаетъ къ основѣ общекультурной.

Неизмѣримъ вредъ, наносимый германцами матеріальной культурѣ, памятникамъ искусства, благосостоянію, здоровью и жизни милліоновъ людей. Но еще болѣе вредъ, и притомъ непоправимый, который германцы нанесли и наносятъ культурѣ не-матеріальной и который неизбѣженъ даже въ случаѣ нѣкотораго успѣха союзниковъ.

Страданія милліоновъ лицъ когда-нибудь кончатся, на мѣсто убитыхъ нѣмцами вырастутъ новыя люди. Зданія, церкви, соборы, библіотеки, будутъ когда-нибудь исправлены, дыры будутъ закрыты. Но никогда и ничѣмъ не закрыть ущерба, нанесеннаго культурѣ духовной. Вѣдь дѣйствія даже одного индивидуума имѣютъ свои послѣдствія. А тутъ жестокости, звѣрства, явная неправда исходятъ отъ восьмидесятимилліоннаго народа, народа сильнаго, сплоченнаго, даровитаго, сдѣлавшаго замѣчательные успѣхи въ области науки, техники, искусства. Германцы — не частное лицо, совершившее преступленіе, не корпорація, не мелкій и дикій народецъ. Теперь дѣлается попытка заклеймить ихъ, которая, впрочемъ, уже на нашихъ глазахъ ослабѣваетъ; но заклеймить навсегда, исключить нарушителей права и гуманности можно было бы лишь тогда, если бы мы имѣли дѣло съ хунхузами, монгольскимъ племенемъ и т. п. Звѣрства и неправда войдутъ въ о б щ у ю жизнь человѣчества, вольются въ общій, такъ сказать, жизненный котелъ, зачернятъ, загрязнятъ жизнь. И уйти некуда отъ этого загрязненія; современники и всѣ послѣдующія поколѣнія

должны питаться этимъ же загрязненнымъ сокомъ, пропитываться имъ.

Оттого совершенно неотвратимымъ является предстоящій еще не на нашихъ глазахъ фактъ п о н и ж е н і я у р о в н я гуманности и справедливости въ человѣчествѣ, ибо германцы слишкомъ тѣсными нитями связались съ европейской культурой, помѣстившись почти въ ея центрѣ. Это пониженіе неизбѣжно, такъ же какъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ произошло пониженіе европейской образованности, когда германцы придвинулись вплотную къ самому центру римской культуры.

Не только пренебречь и заклеймить германскія дѣянія фактически невозможно, но трудно для лицъ нейтральныхъ даже установить правду, факты, какъ они совершались. Цвѣтъ нѣмецкой интеллигенціи утверждаетъ, что звѣрствъ не было. Конечно, если бы къ сотнѣ подписывавшихъ воззванія писателей и ученыхъ прибавить еще сотню и еще тысячу подписей нѣмецкихъ интеллигентовъ, то всѣ эти подписи не могли бы убѣдить изуродованныхъ бельгійцевъ, женщинъ и дѣтей въ томъ, что уродованія и звѣрствъ и варварства не было.

Но дѣло въ томъ, что подавляющее большинство культурныхъ людей не были очевидцами всего, и должны судить лишь по извѣстіямъ другихъ. А эти извѣстія, благодаря усиліямъ германцевъ, оказываются противорѣчивыми. Страдальческіе, измученные и придавленные голоса потерпѣвшихъ покрываются зычными и многочисленными нѣмецкими голосами торжествующихъ побѣдителей. Нѣмцы обладаютъ самыми могущественными средствами для воздѣйствія въ желательномъ для нихъ смыслѣ на общественное мнѣніе. Японія, Америка, Данія, Швейцарія, Персія, Италія и т. д. имѣютъ множество нѣмецкихъ агентовъ. Въ распоряженіи нѣмцевъ масса журналовъ, которые издаются не только на нѣмецкомъ, но и на мѣстныхъ языкахъ. Созданы телеграфныя и другія агентства, которыя за очень дешевую (сравнительно) цѣну продаютъ газетамъ свои телеграммы и всякія извѣстія. Благодаря всему этому разносится по всему міру германская версія скорѣе и дальше, чѣмъ всякая другая. Обыкновенному гражданину нейтральной страны, напр., американцу, не входящему въ большія разслѣдованія, вовсе

не такъ легко отличить истину отъ вымысла. Онъ имѣетъ предъ собою два противоположныя извѣстія, и ему не всегда возможно въ нихъ разобраться.

Къ счастію, лишь въ ходѣ военныхъ операцій никакія искаженія и завѣренія нѣмцевъ не могутъ затушевать дѣла, если только у жителя какого-либо нейтральнаго государства имѣется карта. Тутъ одно передвиженіе войскъ изъ одного района въ другой ясно показываетъ читателю самыхъ пышныхъ нѣмецкихъ сообщеній о «побѣдоносномъ отступленіи», на чьей сторонѣ перевѣсъ. По поводу сообщеній австрійскаго генеральнаго штаба даже въ не особенно дружескихъ Россіи скандинавскихъ странахъ пущена крылатая фраза: австрійцы побѣдоносно отступаютъ, а русскіе панически двигаются впередъ.

Но что настойчивое, систематическое и искусное искаженіе правды, практикуемое нѣмцами, въ концѣ-концовъ, не остается безъ результатовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Кому не извѣстно, что Россія своими жертвами за братьевъ-славянъ содѣйствовала образованію независимой Болгаріи? И однако въ Болгаріи, руководимой нѣмцами, за послѣднее время появлялись составленныя болгарами нѣкоторыя такія газетныя статьи, которыя доказывали, что Россія желала и дѣлала Болгаріи лишь бѣды, а освободили болгаръ отъ Турціи нѣмцы.

XII.

Величава и полна достоинства политика Россіи. Ни задора ни захватовъ; чуждая того самоуниженія, которое подаетъ сосѣду поводъ лишь къ большимъ требованіямъ, Россія съ яснымъ сознаніемъ своихъ задачъ государственныхъ, славянскихъ и культурныхъ, спокойно приняла вызовъ.

Борьба съ германизмомъ не случайна, а неизбѣжна. Она должна была произойти, рано или поздно — при уже выяснившихся качествахъ германскаго народа. Но теперь принять ее — для Россіи несравненно выгоднѣе. Я не знаю такого времени (со времени возникновенія Германской имперіи) въ прошломъ и не могу себѣ представить въ будущемъ, когда былъ бы болѣе благопріятный моментъ. Въ прошломъ — Россія должна была пережить борьбу на Дальнемъ Востокѣ,

и вслѣдъ затѣмъ—трудный періодъ коренныхъ внутреннихъ реформъ и общественнаго успокоенія. Тогда война была бы крайне невыгодна для Россіи. Въ будущемъ—сомнительно, чтобы нѣмцы когда-нибудь были такъ изолированы отъ всѣхъ культурныхъ государствъ, а Россія въ то же время такъ удачно обставлена великими и доблестными союзниками, кончая далекой Японіей.

Эта война—не за область или губернію, не за договоръ или контрибуцію, а за самое существованіе нашей родины. Если результатъ будетъ нерѣшительнымъ,—борьба только отсрочится и возобновится при худшихъ для Россіи условіяхъ, ибо дипломаты Германіи не всегда же будутъ такъ не умны, чтобы возстановить противъ себя наиболѣе сильныя европейскія государства; а германскій методъ веденія войны не всегда же будетъ такъ поражать и отталкивать своимъ варварствомъ, хотя бы и потому, что нѣмцы сумѣютъ навязать его и другимъ.

Если бы случилось, что побѣдили нѣмцы, тогда—конецъ нашей самобытности. Даже если бы на первыхъ порахъ нѣмцы отрѣзали только западную часть Россіи, то и это было бы непоправимымъ ударомъ; дальнѣйшее вторженіе нѣмцевъ было бы лишь вопросомъ времени. А кто разъ попалъ подъ иго нѣмцевъ, тому болѣе не возродиться къ самостоятельности. Исторія знаетъ, что славяне возрождались отъ турецкаго ига, отъ монгольскаго, послѣ многовѣковаго порабощенія, но не знаетъ еще избавленія отъ нѣмецкаго ига. Никогда еще не вставали тѣ славянскіе народы, которыхъ утѣснили и придавили нѣмецкіе каблуки.

И пусть не мечтаетъ иной космополитъ, что и подъ нѣмецкимъ господствомъ живется людямъ не очень плохо. Исторія достаточно наглядно показываетъ, какіе овраги и ямы, негодные участки и углы предоставлялись славянамъ, если послѣдніе вообще еще оставались въ живыхъ. Тогда былъ бы конецъ и религіознымъ обрядамъ и бытовымъ привычкамъ и тѣмъ настроеніямъ и отношеніямъ, которыя тогда только цѣнятся, когда ихъ лишаешься. Родныя пѣсни смѣнились бы подпрыгивающими вульгарными опереточными напѣвами и свистомъ нѣмецкихъ солдатскихъ трубокъ; вмѣсто часовенъ и церквей повсюду запестрѣли бы Bierhallen и Weinstuben... О матеріальныхъ лишеніяхъ я

ужъ не говорю; не придутъ же нѣмцы въ родѣ туристовъ съ полными кошельками и стремленіемъ оплачивать все взятое. Въ захваченныхъ земляхъ они никогда большою церемонностью не отличались.

Однако, этого не будетъ. Намъ необходимо побѣдить. И наша доблестная армія дѣйствительно совершаетъ чудеса. Нужно понять вѣдь, съ какимъ противникомъ приходится ей имѣть дѣло: германцевъ отличаютъ такія усовершенствованныя орудія истребленія, такая злоба и ярость, такая хитрость, обманъ и повсемѣстное шпіонство, что лишь беззавѣтный героизмъ нашихъ солдатъ подъ руководствомъ искусныхъ вождей можетъ не только устоять противъ всего этого, но еще и отбросить ихъ. Защита нашей родины — въ вѣрныхъ рукахъ, и намъ остается только оказать большую поддержку.

Мы еще и десятой доли не дали того, что обязаны дать. Чтобы правильно понять, чего родина въ правѣ ожидать отъ насъ, не пошедшихъ на войну, нужно представить себѣ положеніе тѣхъ, которые т а м ъ, на позиціяхъ, и понять, чѣмъ они отъ себя жертвуютъ для родины. Триста три года тому назадъ съ береговъ близкой намъ Волги раздался могучій и славный призывъ: «Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, — дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать»... То, что было въ Россіи за послѣдніе три съ половиною мѣсяца, доказываетъ, что и въ настоящее время, такъ же какъ и въ ту смутную пору, каждый исполнитъ свой долгъ.

Нынѣшнее время, можетъ-быть, еще опаснѣе для нашей самобытности, чѣмъ смутная пора. Мы видѣли, какую опасность представляетъ собою германизмъ, — гораздо бо́льшую, чѣмъ Польша времени Сигизмунда III для Москвы. Германцы страшны своимъ единствомъ, своими знаніями, своимъ упорствомъ, своею неразборчивостью въ средствахъ. Но и Русь мощна и тверда. Русь вышла обновленною изъ смутной поры, и при Петрѣ Великомъ сумѣла отбросить враждебныя силы, которыя намѣренно не давали ей свѣта, заслоняли его. При Державномъ Потомкѣ его Россія сумѣетъ отбросить жадныя тевтонскія руки, которыя

судорожно зацѣпились за край западной Россіи; она положитъ предѣлъ и дальнѣйшимъ посягательствамъ.

И теперь и потомъ, послѣ ликвидаціи войны, намъ предстоитъ великій трудъ,—трудъ надъ самимъ собой,—совершенствовать себя самихъ. Что же намъ нужно? Прислушаемся къ отзыву нашихъ враговъ о насъ. Этотъ отзывъ данъ давно, и касается славянъ вообще. Отзывъ карикатуренъ и пристрастенъ, но заслуживаетъ вниманія. Враги говорятъ, что славяне — раса пассивная, а германцы активная. Они говорятъ, что простонародіе славянское бѣдно, неразвито, невѣжественно, суевѣрно, грубо, лѣниво и предано пьянству, что въ общественной и государственной жизни славянъ происходятъ всевозможныя злоупотребленія; что славяне не способны пользоваться умѣренною свободою, что высшіе классы отличаются лишь подражательностью, испорченностью, легкомысліемъ и дряблостью воли [1]). Повторяю этотъ отзывъ карикатуренъ и принадлежитъ врагамъ нашимъ. Но, конечно, были факты, которые подали поводъ къ такимъ преувеличеніямъ.

Но, съ другой стороны, нѣмцы не захотѣли отмѣтить еще одного нашего недостатка, и какъ разъ потому, что онъ для нихъ очень выгоденъ. Недостатокъ этотъ — наши усобицы, постоянные раздоры. Давно уже замѣчено: намъ русскимъ хлѣбъ не надобенъ, мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ. Не постигали нѣмцы и того, что съ устраненіемъ этого основного недостатка исчезаютъ мало-по-малу всѣ другіе.

Вопреки ожиданіямъ враговъ, Россія объединилась; распри національныя, религіозныя, ожесточенная борьба политическихъ партій, все сразу прекратилось, когда настало время общей работы и самопожертвованія.

И вмѣстѣ съ единеніемъ стали происходить удивительныя и неожиданныя для нашихъ враговъ явленія: исчезаютъ одинъ за другимъ тѣ факты, которыя дали нѣмцамъ поводъ говорить о насъ такъ пренебрежительно. Прекращается пьянство, и въ устраненіи его поводовъ не было никакого диссонанса въ многомилліонномъ народѣ: отъ самыхъ высокихъ сферъ до бѣдной избушки крестьянина всѣ сознали разумность и пользу принятой мѣры. И этимъ наше правитель-

---

[1]) Д. Анучинъ, Значеніе нынѣшней войны.

ство съ корнемъ вырвало тотъ недугъ, который питался постоянно то привычкою и примѣромъ, то несчастіемъ. Продолжаютъ усиленно функціонировать просвѣтительныя учрежденія, школы. И въ то время, какъ наша великая армія идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ надъ сильнѣйшимъ въ мірѣ противникомъ, оставшіеся на родинѣ дѣятельно и умѣло организуютъ быструю помощь, какъ пострадавшимъ на полѣ брани, такъ и ихъ семьямъ.

Съ устраненіемъ коренныхъ недостатковъ происходитъ оздоровленіе всей жизни. Подражательность прекратится и установится правильное, разумное отношеніе къ иностранцамъ, въ частности къ тѣмъ же нѣмцамъ. Отношеніе къ иностранному должно быть предметомъ особеннаго вниманія и заботъ. Мы находимся какъ бы на вершинѣ двухъ наклонныхъ плоскостей, откуда легко скатиться — или въ сторону чрезмѣрной подражательности и довѣрчивости или въ сторону полнаго пренебреженія всѣмъ иноземнымъ, хотя бы оно могло дать готовый опытъ. Если мы станемъ на свои ноги, да возьмемъ иниціативу въ свои руки, тогда собственнымъ трудомъ мы можемъ достигнуть во всѣхъ отрасляхъ знанія результатовъ не худшихъ, чѣмъ за границею. И тогда надо будетъ снять съ понятія «заграничное» непремѣнный признакъ чего-то лучшаго, превосходнаго.

Закрѣпленіе единенія Россіи, устраненіе раздоровъ навсегда, энергичная культурная работа — вотъ задача дальнѣйшаго будущаго. И то, что нами не будетъ докончено въ этой работѣ, докончитъ послѣ насъ наше подрастающее новое поколѣніе, бодрое, сильное, полное благородныхъ порывовъ. Оно воспользуется тѣмъ, что мы пережили и передумали, присоединитъ свой опытъ и научитъ послѣдующія поколѣнія беззавѣтному, самоотверженному служенію родинѣ, ибо въ этомъ служеніи залогъ величія и славы Россіи.

ГОСУДАРСТВ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОГАШЕНО

Лит 15-21 5488

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

Н. А. Александрова.

*Чтеніе 1-е. **Самоѣды, лопари, зыряне и поморы**, ц. 10 к.

*Чтеніе 2-е. **Жители лѣсной полосы**, ц. 10 к.

*Чтеніе 3-е. **Новороссія.** (Богатыя степи), ц. 10 к.

*Чтеніе 4-е. **Малороссія.** (Благодатный край), ц. 10 к.

*Чтеніе 5-е. **Крымъ.** (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ, ц. 10 к.

*Чтеніе 6-е. **Казаки.**—(Черноморцы и терцы), ц. 10 к.

*Чтеніе 7-е. **Казаки.** (Донцы и Уральцы), ц. 15 к.

*Чтеніе 8-е. **Камчадалы и курильцы.** (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ), ц. 15 к.

*Чтеніе 9-е. **Якуты и долганы**, ц. 10 к.

*Чтеніе 10-е. **Черемисы и чуваши**, ц. 10 к.

*Чтеніе 11-е. **„Вогулы“**, ц. 10 к.

*Чтеніе 12-е. **„Прибалтійскій или Остзейскій край“**, ц. 10 к.

*Чтеніе 13-е. **„Татары“**, ц. 15 к.

*Чтеніе 14-е. **Мордва, мещеряки и тептяри**, ц. 10 к.

*Чтеніе 15-е. **Тунгусы**, ц. 10 к.

*Чтеніе 16-е. **Буряты**, ц. 10 к.

*Чтеніе 17-е. **Башкиры**, ц. 10 к.

*Чтеніе 18-е. **Ногайцы**, ц. 10 к.

*Чтеніе 19-е. **Калмыки** (степи), ц. 10 к.

*Чтеніе 20-е. **Степи.** Бессарабія, молдаване, (румыны), ц. 10 к.

*Чтеніе 21-е. **Болгарія.** Чтеніе для народа, ц. 15 к.

*Чтеніе 22-е. **Степи и горы. Кавказъ.** (Сѣверный Кавказъ). Черкесы и кабардинцы, ц. 15 к.

*Чтеніе 23-е. **Степи.** Вольныя птицы цыгане (Фараоново племя), ц. 10 к.

*Чтеніе 24-е. **Закавказье.** Армяне, ц. 10 к.

*Чтеніе 25-е. **Закавказье, Грузія.** (Кахетія, Имеретія, Мингрелія. Гурія съ аджарами и низами, тушины, пшавы и хевсуры), ц. 10 к.

*Чтеніе 26-е. **Горы и моря.** Закавказье, Черноморское побережье. Абхазцы или азега, сванеты или шаны. Порты чернаго моря: Новороссійскъ, Сухумъ, Поти и Батумъ, ц. 10 к.

*Чтеніе 27-е. **Степи и горы. Кавказъ II.** (Сѣверный Кавказъ). Осетія, Чечня и Дагестанъ (Чтеніе для народа), ц. 15 к.

Каждая книжка съ картинкой на обложкѣ, соотвѣтствующей тексту.

*Знакъ * показываетъ, что эти книжки Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущены въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, а чтенія: 3, 4, 5, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25 и 26, кромѣ того для публичныхъ чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.*

БОСНІЯ и ГЕРЦЕГЕВИНА.

Э. С. Вульфсонъ.

Съ рисунками, цѣна 60 коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Глава I. Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи.—Прошлая жизнь этихъ странъ подъ Турецкимъ владычествомъ.—Возстаніе. Русско-Турецкая война и ея значенія для босняковъ и герцеговинцевъ.—Австрійское управленіе.—**Глава II.** Гдѣ находится Боснія и Герцеговина? Границы областей.—Климатъ.—Народонаселеніе.—Занятіе жителей. **Глава III.** Религія босняковъ и герцеговинцевъ.—Главнѣйшіе праздники православнаго населенія.—Суевѣрія и предразсудки.—**Глава IV.** Внѣшній видъ Сараева.—Устройство жилища въ Босніи и Герцеговинѣ.—Одежда и пища.—**Глава V.** Сватовство, свадьба и похороны.—Характеръ босняковъ и герцеговинцевъ.—Нравы.—Побратимство и посестримство. —**Глава VI.** Управленіе въ Босніи и Герцеговинѣ прежде и теперь.—Австрійскіе чиновники.—Тайная и явная полиція.—Правосудіе и судьи.—**Глава VII.** Народное просвѣщеніе въ Босніи и Герцеговинѣ.—Православныя и магометанскія школы.—Борьба съ ними Австріи. —Газеты и журналы.—Строгости австрійской цензуры.—Народное творчество босняковъ и герцеговинцевъ.—Заключеніе.

ЧЕРНОГОРІЯ и ЧЕРНОГОРЦЫ.

Э. С. Вульфсонъ.

Съ рисунками, цѣна 60 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. книга признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи какъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ равно безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Глава I. Происхожденіе Черногоріи.—Ея прошлая исторія.—Князья и митрополиты.—Возстановленіе свѣтской власти.—**Глава II.** Гдѣ лежитъ Черногорія.—Ея поверхность.— Климатъ.—Занятіе жителей.—**Глава III.** Вѣрованія Черногорцевъ.—Праздники.—Суевѣрія и предразсудки.—**Глава IV.** Жилище, одежда и пища.—**Глава V.** Сватовство, свадьба и похороны. **Глава VI.** Какъ управляются черногорцы.—Судъ.—Воспитаніе и обученіе.— Нравы.—Народныя сказанія.

ЧЕХІЯ и МОРАВІЯ

Э. С. Вульфсонъ.

Съ рисунками, цѣна 40 коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Глава I. Второй славянскій съѣздъ въ Прагѣ.— Прошлая жизнь чеховъ.— Введеніе христіанства.— Замѣна славянскаго богослуженія латинскимъ.— Онѣмеченіе чеховъ и ихъ угнетеніе.—Карлъ IV, и основаніе пражскаго университета.—Католическое духовенство и чешскіе проповѣдники.— Янъ Гусъ, его жизнь и мученическая смерть.—Гуситскія войны.—Бѣлогорская битва и ея послѣдствія.— Возрожденіе чешскаго народа.— Исторія Моравіи.—**Глава II.** Гдѣ лежитъ Чехія и Моравія.—Ихъ пространство и устройство поверхности.—Климатъ.—Народонаселеніе.— Сельское хозяйство.— Торговля и промышленность.— Чешскіе рабочіе.—**Глава III.** Чешскіе праздники.—Рождественскій сочельникъ.—Сцены изъ великаго событія.—Ужинъ.— Святочныя развлеченія.— Масленица. Танцы.— Майскій праздникъ.—**Глава IV.** Чешская деревня.—Жилище крестьянина.—Прага—столица Чехіи.— Ея достопримѣчательности.—Старинный національный костюмъ чеховъ.—Ихъ характеръ и нравы.—Общества и союзы.—Чешскіе соколы.—Мѣщанская бесѣда.—**Глава V.** Чешская свадьба.—Ораторы и ихъ рѣчи.—Помолвка и подписаніе брачнаго договора.—Сборы въ церковь.—Неожиданное препятствіе и „серебряный ключъ.“—Вѣнчаніе.—Свадебный пиръ и танцы. **Глава VI.** Народное образованіе въ Чехіи и Моравіи.—Пятилѣтнія и городскія школы.—Школьныя помѣщенія.—Пріюты для подкидышей и столовая для неимущихъ учениковъ.—„Общество чешской школьной матицы.“—Народные учители и учительницы.— Среднее и высшее образованіе въ Чехіи.—Студенты и народъ.—Чехи на чужбинѣ.

Типо-литографія Русскаго Товарищества печ. и издател. дѣла въ Москвѣ.